

ЭШКОЛЬ

Нево

Медовые
ДНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНАБАД

ЭШКОЛЬ Нево
Медовые дни

Издательство «Синдбад»

2021

Нево Э.

Медовые дни / Э. Нево — Издательство «Синдбад», 2021

ISBN 978-5-00131-182-9

Состоятельный американский еврей Джеремайя Мендельштрум решает пожертвовать средства на строительство в Городе праведников на Святой Земле ритуальной купальни – миквы – в память об умершей жене. Подходящее место находится лишь в районе, населенном репатриантами из России, которые не знают, что такое миква, и искренне считают, что муниципалитет строит для них шахматный клуб... Самым невероятным образом клуб-купальня изменит судьбы многих своих посетителей.

ISBN 978-5-00131-182-9

© Нево Э., 2021

© Издательство «Синдбад», 2021

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эшколь Нево Медовые дни

Eshkol Nevo
Ha-Miqveh ha-Aharon be-Sibir
THE LOST SOLOS

Copyright © Eshkol Nevo

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Синдбад», 2021

* * *

Посвящается Анат

1

Можно было ожидать, что люди будут передавать эту историю из уст в уста, шептаться о ней на лестничных площадках или в спальнях и долгие годы пересказывать ее в мельчайших подробностях, но, как ни странно, когда она случилась – несмотря на то, что были свидетели, очевидцы в буквальном смысле слова, – никто о ней даже не обмолвился. Ни на иврите, ни по-русски, ни по-американски. Как будто все решили, что время прикроет скандал, словно пеленой, и секунды, как снежинки, слипнутся в минуты. Все равно никто не поверит.

Но если, допустим, в полночь кто-нибудь принесет лестницу и приставит ее к западной стене здания мэрии, если проворные ноги, ступенька за ступенькой, заберутся по ней и решительная рука откроет нужное окно (разбивать необходимости нет: архивариус мэрии Реувен любит оставлять его приоткрытым, чтобы поддувал легкий ветерок), то он без всякого труда, щелкнув выключателем, зажжет свет и найдет во втором ряду, на одной из нижних полок, слегка разлохматившуюся по краям папку «Пожертвования 1993–1994», а в ней, быстро перелистав бумаги, – адресованное мэру официальное письмо от Джеремайи Мендельштрума из Хилборна, штат Нью-Джерси.

Следует сразу предупредить читателя: это письмо хоть и официальное, но отнюдь не короткое, ибо с Джеремайей Мендельштрумом, похоже, произошло то, что иногда происходит с теми, кто берет в руку перо: оно увлекло его за собой. Возможно, свою лепту внесло и одиночество – причина всех излишеств. В результате, вопреки первоначальному намерению господина Мендельштрума сделать сжатое деловое предложение, на первых двух страницах он неожиданно увлекся описанием госпожи Мендельштрум (ушедшей в мир иной), и эти строки отнюдь не отличались лаконизмом, но были длинными и мутными, как тоска. Не ограничиваясь затасканными определениями – «праведница», «образцовая супруга, какой больше не сыскать» и прочими, – он знакомил читателя с мельчайшими подробностями их совместной жизни: описывал их первую неловкую встречу на церемонии обрезания у Фришбергов (как она отошла в сторону, не в силах смотреть на процесс удаления крайней плоти, и как он, не в силах не смотреть на нее, повернул к ней голову) и их вечернюю прогулку от Вест-Виллиджа до Гудзона, случившуюся годом позже, во время которой она посвятила его в свои планы и сказала: «Мне важно, чтоб ты знал: я не из тех, кто, гуляя с любимым по набережной Гудзона, посвящает его в свои планы только для того, чтобы через два месяца забеременеть и отказаться от всех этих планов». – «Боже упаси! Ни в коем случае!» – сказал он, но сердце у него чуть не выскочило из груди, потому что она впервые сказала – пусть и не напрямую, – что любит его. В следующие сорок лет она признавалась ему в любви всего несколько раз, но так истово, словно читала молитву, заставляя его – в промежутках – мечтать о повторении; и вот сейчас, после ее ухода, он с сожалением обнаружил, что мечтать ему больше не о чем. Да, время от времени она смотрела на него глазами его детей, а одна из внучек, младшая дочь старшего сына, улыбалась в точности как она (а выражая удивление, точно так же вскидывала брови), но Америка, сами понимаете, это не Израиль: американские семьи больше напоминают осколки разбитой вазы, чем элементы пазла, поэтому жизнь, если не считать праздничных застолий в еврейский Новый год и Песах, потеряла для него всякий смысл. Один день походил на другой, и даже богатство, ради которого он все эти годы трудился с утра до вечера, даже богатство его уже не радовало. Именно по этой причине ему и пришла мысль увековечить память любимой с помощью новой миквы, построенной в Городе праведников, куда они с супругой планировали съездить вместе еще прошлым летом (даже купили билеты на самолет и путеводитель по могилам праведников – в английском переводе, разумеется), но однажды в воскресенье, когда он листал газеты, из спальни донесся глухой стук, словно кто-то ударил кулаком по боксерской груше.

Но писать про это подробно он не хотел. Не мог он подробно писать про это. Возможно, не сможет никогда. И вместо этого перешел к сути дела.

Как уже упоминалось, он намеревался принести в дар Городу праведников новую микву, взяв на себя все связанные с этим расходы, и выдвигал всего одно условие; вернее сказать, это было не столько условие, сколько надежда, мерцавшая в нем, как заупокойная свеча в подсвечнике: что здание миквы – и табличка с именем его жены на входе – будет построено к будущему лету, когда он намеревался посетить Святую землю. Если, конечно, на то будет Божья воля.

* * *

С того дня, как Моше Бен-Цук надел кипу и переехал в Город праведников, он изо всех сил старался вести себя как человек, родившийся заново, и на все свои былые безумства смотрел с безопасного расстояния. Однако вопреки всем стараниям у него сохранилось несколько привычек, приобретенных в его бытность кибуцником с разбитым сердцем и офицером разведки с секретной-военной-базы-про-которую-знают-все: он продолжал коллекционировать карты, напевать под нос песни Шалома Ханоха, выкуривать после обеда одну сигарету «Ноблес» и отгонять рукой запах Айелет, стоило ему его учуять.

Запах Айелет не походил на аромат корицы или определенной марки шампуня. Просто это был ее запах. И каждый раз, когда его нос улавливал этот запах, будь то возле полки молочных продуктов в супермаркете, у качелей в парке аттракционов, а то и (не иначе, то были происки дьявола) в синагоге, его рука решительно его отгоняла, но глаза – хотя Бен-Цук и знал, что шансов на это ноль, да и с чего бы вдруг, – его глаза начинали шарить по сторонам: а что, если все-таки...

В то утро запах Айелет проник в машину вместе с зимним ветром. Бен-Цук немедленно закрыл окно, но стало только хуже: он оказался заперт в салоне с этим запахом, оставшись с ним один на один. Поэтому он снова открыл окно и попытался выгнать запах рукой, посмотрел в салонное зеркало, в зеркало заднего вида и опять в салонное (хотя шансов ноль, да и с чего бы вдруг, и не дай бог, чтобы она вернулась), но в конце концов перевел взгляд на дорогу и нажал на педаль газа. Он знал, что сейчас ему лучше всего приехать на работу. И поскорее. Там он хотя бы сможет сунуть нос в чужие дела.

Как личный помощник мэра по связям с общественностью, Бен-Цук располагал просторным кабинетом, по стенам которого он развесил разнообразные карты: необходимые (такие, как карта синагог и карта религиозных школ), духоподъемные (такие, как карта ежегодных пожертвований) и совершенно бесполезные, составленные исключительно из любви к картографии (такие, как карта географического распределения автомобилей фирмы «Субару» по годам производства или карта обитания городских сумасшедших).

На еженедельные заседания горсовета он приходил раньше всех, чтобы успеть развесить свои карты и графики и использовать их во время дебатов («вот, случайно подготовил»), и точно так же поступил, когда совет собрался обсудить письмо вдовца-филантропа Джеремайи Мендельштрома.

– Такова сегодняшняя ситуация, – сказал Бен-Цук, вставая с места и энергично, хоть и наугад, тыча длинной тонкой указкой в середину карты микв.

Участники совещания невольно вздрогнули – с такой силой указка вонзилась в карту. Бен-Цук представлял собой человекоподобный шар, раздираемый изнутри многочисленными противоречивыми побуждениями. Под рукавами рубашки у него бугрились мышцы, и люди – ошибочно – принимали его за культуриста. Он смотрел глубоким пронзительным взглядом, в котором постоянно пылал огонь. Его щеки были всегда покрыты щетиной, но не потому, что он пренебрегал своим внешним видом, боже упаси, а потому, что буквально через несколько секунд после того, как он заканчивал бриться, она снова отрастала.

– К моему большому сожалению и при всем желании удовлетворить просьбу уважаемого филантропа, – говорил Бен-Цук, продолжая гулять по карте указкой, – у нас нет места для новой миквы. Их количество на квадратный метр в нашем городе больше, чем где бы то ни было на Ближнем Востоке. То же относится и к количеству микв на душу населения.

– Я не понимаю, что значит «нет места», – своим начальственным тоном – насмешливым, укоризненным и слегка раздраженным, каким он обычно разговаривал на совещаниях, – возразил мэр Авраам Данино. (Для личных бесед он приберегал совсем другой тон – отеческий, мягкий и доверительный. Бен-Цук проработал с ним уже два года, но так и не привык к этим резким переходам.) – Если места нет, Бен-Цук, мы его найдем! – Данино хлопнул рукой по столу. – Как говорится, стоит захотеть – и сказка станет былью!

– Но, господин мэр, даже если мы его найдем, мы неизбежно столкнемся с еще одной проблемой, – сказал Бен-Цук и прикрепил к карте очередной график. – Как видите, – он еще раз ткнул указкой в карту, – в настоящий момент, подчеркиваю, в настоящий момент в нашем городе достигнуто хрупкое равновесие между разными ветвями иудаизма с точки зрения владения миквами. Любая новая миква пошатнет этот баланс, если и вовсе его не разрушит.

Члены горсовета, сформированного с учетом того же священного принципа равновесия между разными религиозными течениями, согласно закивали. Никто не сомневался: это щекотливый вопрос.

– Так что ты предлагаешь? – спросил Данино, глядя на Бен-Цука своими печальными зелеными глазами. (Люди не привыкли видеть печаль в глазах мэра, и Бен-Цук не раз наблюдал, как при встрече с Данино, особенно при первой встрече, они впадают в растерянность.) – Нет, серьезно, Бен-Цук, – настаивал Данино, – у тебя есть план? Или мы должны сказать Мендельштруму, что нам не нужны его деньги? Пусть, мол, отдаст их другому городу?

– По правде говоря, если посмотреть на карту... – начал Бен-Цук и потянулся к еще одному графику.

– Да отвязись ты от меня со своими картами! – крикнул мэр, засовывая руку за пояс штанов (как правило, люди, имеющие эту привычку, суют в штаны большие пальцы, оставляя другие снаружи, но Авраам Данино, наоборот, предпочитал совать за пояс четыре пальца, почти, а может и не почти, касаясь гениталий и оставляя большой палец снаружи). – У тебя есть решение? – Он повысил голос и нервно забарабанил большим пальцем по пряжке ремня. – Ре-ше-ни-е?!

Когда на Бен-Цука кричали, он немел. Уменьшался ростом и снова превращался в мальчишку, отправленного на воспитание в кибуц. Мальчишку, которого чуть ли не в первый же день отвели к водопаду на реке Иегудия и, подталкивая в спину, начали подзуживать: «Прыгни, ну! Давай, прыгни!» Мальчишку, которого не приняли в баскетбольную команду, хотя он не так уж плохо играл. Мальчишку, который в первый же вечер армейской службы провалился в канализационный люк и постеснялся позвать на помощь, потому что боялся, что над ним станут смеяться. Мальчишку, предпочитавшего помалкивать, потому что от любых его идей, даже самых лучших, чаще всего пренебрежительно отмахивались.

– Минуточку! Позвольте мне... – вдруг вступил в разговор представитель Министерства внутренних дел. – А что насчет пустого участка вон там?

Этого серьезного человека с худым, почти изможденным лицом прислали к ним из Иерусалима два года назад, когда в городском управлении обнаружили финансовые нарушения.

– Где? – Бен-Цук энергично лупил по карте указкой. – Здесь? Здесь? Здесь?

Представитель Министерства внутренних дел встал со стула, подошел к карте и показал пальцем на пустырь между городской окраиной и военной базой. Действительно, на этом участке не было ни одной миквы. Ни единой.

– Вы что, смеетесь? – Бен-Цук прислонил указку к стене. – Вы предлагаете построить микву в Сибири?!

Раздались негромкие смешки. Хихикали все, кроме мэра. Тот вынул руку из-за пояса, ударил ею по столу и изрек:

– Именно так мы и поступим с пожертвованием Мендельштрума. Построим первую – историческую по своему значению – микву в Сиби... в квартале Источник Гордости. Да станет он источником воды живой! Да явится в Сион наш избавитель!

– Но, – удивился Бен-Цук, – зачем им миква? Они ведь даже не... Нет уверенности, что они евреи.

– Бен-Цук, Бен-Цук... – снисходительно улыбнулся мэр. – Кому, как не тебе, знать, что никогда не поздно вернуться в лоно иудаизма. Завтра же поедешь туда и найдешь подходящее место.

– Но, Авраам... то есть уважаемый мэр! Женщины там пожилые. В их возрасте уже не бывает...

– Значит, откроем отделение для мужчин. Я хочу, чтобы к лету миква была готова. Как и просит этот человек.

* * *

За два года до этого, в день, когда в город приехали репатрианты из бывшего СССР, уроки в школах закончились в одиннадцать утра. Школьники стройными колоннами проследовали на центральную улицу, неся в руках плакаты с надписями черным фломастером: «Отпусти народ мой!», «Let my people go!» и просто «Добро пожаловать!» Многочисленные безработные прервали свой нерабочий день, чтобы тоже принять участие в торжественной – и исторической по своему значению – встрече репатриантов; в руках они гордо несли фотографии отказников; расторопные лоточники торговали вареной кукурузой и фруктовым мороженым, припрятав на дне своих тележек мерзавчики дешевой водки – на случай, если слухи о репатриантах окажутся верными. За пять минут до назначенного часа из огромных, заблаговременно установленных на нескольких балконах колонок грянула «Хава нагила» и группа местных пенсионеров, наряженных в форму солдат Красной армии (взятую мэрией напрокат в костюмерной театра), медленно и величаво прошествовала в первый ряд. Изумленная публика расступилась, освобождая им проход; руководивший мероприятием мэр с большим удовлетворением оглядел происходящее и устоял на поворот дороги, из-за которого должны были появиться автобусы.

Много месяцев подряд Авраам Данино совершал паломничество в Священный город, требуя у властей прислать ему хоть немного русских. Все близлежащие города уже получили свои квоты. Везде, куда прибывали русские, их встречали прохладно – пока не выяснялось, что репатрианты везут с собой отличное образование, неумное честолюбие, светловолосых женщин и дополнительное финансирование городского бюджета, после чего настороженность сменялась искренним восхищением.

Снова и снова Данино приходилось с грустью смотреть на то, как автобусы, покидающие очередной центр интеграции репатриантов, направляются не к нему, а в другие города. Снова и снова он умолял и объяснял, что именно у него... благодаря климату... они будут чувствовать себя максимально комфортно. И именно он... то есть город, который он представляет... больше всех других нуждается в новой крови. В инъекции энергии. В позитивной – в полном смысле этого слова – иммиграции. И каждый раз он возвращался с пустыми руками.

Так продолжалось, пока из начальственных кабинетов, откуда он все это время слышал, что русских для него нет, вдруг неожиданно раздался голос, сообщивший, что они есть. Битком набитые репатриантами автобусы придут в город через несколько месяцев. Более точную дату ему сообщат позже.

Мэр не собирался упускать уникальную возможность. В воображении он уже видел, как Марина-Ольга-Ирина (насчет имени он еще не определился), гордо неся перед собой пышную

грудь, выходит – последней – из автобуса, пропустив вперед супружеские пары, и с большим чемоданом в руке шагает совершенно одна. Ее муж предпочел остаться в России. Или даже лучше: насмерть замерз в ГУЛАГе. Она – Марина-Ольга-Ирина – уже не девочка; ноги у нее крепкие, плечи упругие, а глаза – надменные и в то же время голодные.

В глубине души он понимал, что ведет себя недостойно. Неприемлемо. Он знал, что мэр должен видеть в воображении наукоемкие предприятия, новые капиталовложения и масштабные стройки, но все, что ему удавалось себе представить, – это как он подходит к Марине-et-cetera (только что спустившейся со ступенек автобуса), смотрит в пучину ее глаз, пожимает ее нежную руку, произносит: «Здравствуйте! Добро пожаловать в Город праведников! Я Авраам Данино, мэр города, к вашим услугам» – и предлагает ей помочь донести чемодан, а она... Она отрицательно мотает головой и говорит (на иврите, с сильным, густым, возбуждающим акцентом): «Не знала, что в Израиле есть такие джентльмены». С ударением на «мены».

А что, если она, не дай бог, согласится и отдаст ему чемодан? Мысль о подобном развитии событий лишала его сна. Обычно съедавший двойную порцию слоеных пирожков и рогаликов, он сомневался, что сможет пройти значительное расстояние с тяжелым эмигрантским чемоданом в руке, и немедленно начал тренироваться. Каждый вечер он стал прогуливаться по Тополиной аллее от квартала Источник Гордости (красивые дома которого пустовали) до секретной-военной-базы-про-которую-знали-все и обратно. Правда, в день первой же тренировки ему на середине пути пришлось вызвать своего водителя, так как он начал задыхаться. После этого он купил кроссовки и спортивные штаны с лампасами, приказал строительному отделу немедленно заасфальтировать аллею, чтобы сделать ее удобнее для ходьбы, и пригласил Бен-Цука его сопровождать.

Он знал: при свидетелях стараешься сильнее.

Пока они шли, он впервые рассказал личному помощнику свою биографию.

– Когда мы бежали в Израиль, мы ночью спустились вот с этих гор, – он показал пальцем на восток. – Мой брат Нисим и я. Мы дрожали от холода. И от страха. Если бы нас поймали, убили бы. Или бросили бы в тюрьму в Дамаске. А это, поверь мне, хуже, чем умереть. Была зима, как сейчас. Валил снег. Один из нас то и дело поскальзывался на мокрых камнях и падал, а второй помогал ему встать. Только на рассвете мы пересекли границу. Выглянуло солнце, снегопад прекратился. Мы опустили на израненные колени и поцеловали влажную землю. Даже сейчас, когда я с тобой разговариваю, я ощущаю во рту вкус земли. Сколько нам было? Мне – тринадцать, Нисиму – одиннадцать. Дети. Отца у нас не было. Он нас бросил. Вернулся в Марокко, когда мы были совсем маленькие. «В нашем доме мужчина ты», – говорила мне мама. В ту ночь – тоже. Провожая нас в путь, она положила мне руку на лоб и сказала: «Ты старший. Ты отвечаешь за то, чтоб с головы твоего брата не упал ни один волос». Потом, в Израиле, нас разлучили. Нисима отправили в лагерь переселенцев, а меня – в кибуц: решили, что у меня есть потенциал. Но в кибуце я был «приемышем». Как и ты, сынок. Почему, потвоему, я взял тебя на работу? Поверь мне, были претенденты и получше, с опытом. Но я сказал себе: я помогу этому мальчишке. Потому что мне не помогал никто. Я все делал сам, Бен-Цук. Вот этими вот руками. Так что, если я на тебя иногда и сержусь, то только потому, что хочу тебя закалить. Понимаешь? Ладно, я уже задыхаюсь. Давай вернемся.

Каждый день, решил Данино, они с Бен-Цуком будут увеличивать пройденное расстояние на один тополь. Пока не доберутся до рощи с видом на иногда-заснеженную-гору. И действительно: постепенно его мышцы твердели, грудь делалась все шире, а в своих фантазиях о Марине-et-cetera он заходил все дальше. Он поможет ей обосноваться в городе, и несколько месяцев они будут тайно встречаться. Культурные различия они компенсируют телесными удовольствиями: ласками и объятьями. Он не собирался рассказывать ей о Януке – зачем? Она все поймет сама и молча его утешит. Тогда он уйдет из своего унылого дома и переедет к ней. Ведь ему еще не поздно начать все заново. Еще не поздно.

– Первое впечатление – самое верное! – постоянно внушал он Бен-Цуку. – Мы должны скрыть свои недостатки и подчеркнуть достоинства. А главное – дать им ощущение дома. О чем больше всего мечтает репатриант после дороги? О пуфике – чтобы положить на него ноги. О горячей ванне – чтобы унять боль в пояснице. О подушке – чтобы опустить на нее голову.

Он относительно легко уговорил отчаявшегося подрядчика, строившего Источник Гордости, сдать дома в квартале ему в аренду. Небольшие красивые дома, возведенные, как утверждалось в рекламных проспектах, в соответствии с «высокими строительными стандартами» и «на продвинутом техническом уровне», не пользовались спросом и пустовали, – а все из-за удивительного видения, посетившего местного жителя по имени Йермиягу Ицхаки, о чем он сообщил всем желающим, расклеив на досках объявлений листовку следующего содержания: «Я – Йермиягу Ицхаки, проживающий в 4-м микрорайоне Города праведников. Удостоил меня Всевышний узреть чудо, и, аки велено мне было, передаю весть, полученную из уст праведника Нетанэля Анихба, каковой явился мне во сне, в белом одеянии, с ликом, сияющим, как у ангела, и рек таковые слова: “Нехорошо то деяние, что творится в месте, именуемом Источником Гордости”. И спросил я его: “Каковое деяние? Отчего нехорошо оно в очах твоих?” И взял он меня за руку, и повел по горам и тропам. И пришли мы к домам квартала нового, и там указал он перстом на землю. И сделалась прозрачна земля, аки стекло, и узрел я гроб. И указал господин наш праведник на гроб, и рек: “Сие есть препона. Я, Нетанэль Анихба, я есмь тот, кто здесь погребен, и да не воздвигнутся дома на могиле моей, ибо дурно сие в очах Всевышнего”. – “Что же мне делать, господин мой?” – спросил я его. И рек он в ответ: “Тебе надлежит возвестить о том обитателей града сего и правителей его, дабы не ступала здесь нога смертного, ибо сие есть тяжкий грех и на грешника падет проклятие”». Не помогли подкрепленные официальными документами заверения подрядчика, что участок, на котором возвели квартал, был перед строительством тщательно исследован с целью убедиться, что на нем нет никаких могил, и что в процессе рытья котлована не было обнаружено ни единого гроба. Не помогло и официальное заявление Комитета по спасению древних захоронений, что по результатам проведенной проверки не было найдено ни одного праведника, носившего имя Нетанэль Анихба; хотя, оговаривались члены комитета (оговорка, противоречившая их собственному заявлению), вполне возможно, что прозвище Анихба, означающее «тайный», свидетельствует о скромности праведника, который получил его по примеру внука Хони Амаагаля, Ханана Анихба, прозванного так как раз по причине своей исключительной скромности; следовательно, остается вероятность того, что Нетанэль Анихба был настолько скромным, что уничтожил все письменные доказательства своей праведности. Не помогло даже журналистское расследование, опубликованное местной газетой и установившее, что Йермиягу Ицхаки обращался к подрядчику строительства с просьбой предоставить ему скидку на приобретение дома в квартале Источник Гордости и только после того, как получил отказ, сделал свое видение достоянием гласности.

Жители Города праведников относились к видениям подобного рода с трепетом. На протяжении долгой истории города слухи о них возникали с частотой землетрясений и составляли неотъемлемую часть местного культурного наследия. Более того, даже те, кто сомневался в чистоте намерений Йермиягу Ицхаки, боялись покупать дом, который в дальнейшем будет невозможно продать, если сбудется угроза Нетанэля Анихба.

Авраама Данино это бесило. В недавнем прошлом он сам был адептом культа могил праведников. Возжигал свечи. Привязывал к деревьям тряпочки и полиэтиленовые мешочки. Молился. Главным образом о том, чтобы небеса исполнили их с женой заветное желание. Но потом с Янукой случилось то, что случилось, и Данино затаил на всех этих мертвых праведников злобу; отныне он терпеливо ждал, когда представится случай свести с ними счеты.

Получив благословение раввинов (втайне недовольных культом, постепенно сложившимся вокруг Йермиягу Ицхаки: тот наладил продажу бутылок с запечатанным внутри бла-

гословением и подушек со своим портретом), Данино обратился к отчаявшемуся подрядчику и с его согласия выделил на подготовку домов к заселению новыми жильцами специальный бюджет. «У меня, – говорил он с гордостью, – репатрианты не будут месяцами гнить в центрах абсорбции. У меня они не успеют сойти с автобусов, как сразу получают ключ от нового дома».

Однако автобусы запаздывали. Прошло уже три часа, а они всё не появлялись. Школьники давно побросали плакаты на землю и, как свойственно детям, затеяли возню. Переодетые в солдат Красной армии пенсионеры сняли форму и вернулись в дом престарелых, где их ждал заслуженный дневной сон. Лоточники снизили цены, но покупателей на кукурузу – даже на «четыре-початка-за-десять-шекелей» – не находилось. И, как всегда в обстановке упадка духа и ужасной скуки, поползли слухи. Одни говорили, что верующие репатрианты попросили останавливаться возле каждой попадавшейся по дороге могилы праведника, чтобы упасть на нее ничком и полежать там некоторое время. Другие уверяли, что произошла дорожная авария и автобус свалился в русло пересохшей реки. Третьи невесело предполагали, что репатрианты, своими глазами увидев непритязательные дома и обшарпанное здание торгового центра, в последний момент потребовали разворачиваться и везти их в другой город, где есть торговый центр, достойный так называться.

В 22:00, через десять часов после назначенного срока, на склоне горы показался одинокий автобус. На центральной улице уже не было никого, если не считать двух мрачных мужчин в костюмах, помявшихся еще в полдень. Сильный холодный ветер гонял по обочинам плакаты «Добро пожаловать!» и уносил вдаль последние звуки музыки.

Мэр и Бен-Цук нерешительно подошли к стоянке. Сердце мэра колотилось в висках, в плечах и в поясице; он и не знал, что сердце может стучать и там тоже. Он вынул правую руку из штанов и с печальным нетерпением стал ждать, пока послышится лязг открывающихся дверей.

* * *

В тот день Катя попросила Антона позволить ей сесть у окна, и, как обычно, он ей уступил. Ей хотелось смотреть на дорогу, чтобы запечатлеть в памяти каждый куст, каждый дорожный указатель, все то, что намекало на их будущее. Но не успел тронуться автобус, как ее длинные ресницы – Антон всегда ими восхищался – склеились. Прежде чем погрузиться в сон, она успела увидеть несколько красивых виноградников и лежащее на шоссе сбитое животное. То ли собаку, то ли лису. «Это не к добру! Мертвое животное на дороге – это не к добру!» – прозвучал у нее в голове голос покойной мамы. Катя заставила его умолкнуть, вернее притихнуть (трудно заставить умолкнуть звучащий у тебя в голове материнский голос), и он продолжал сопровождать ее во сне. Ей снилось, что она в своем родном городе едет в трамвае с мужчиной, своим первым мужем, и вдруг двери, даже не на остановке, открываются и в пустой вагон заходит Даниэль, Даник, ее любимый внук. Он в какой-то новой шапке с надписью на незнакомом языке. Она протягивает к нему руки, чтобы его обнять, но внук ее не узнает и смотрит на нее, как на чужую. Охваченная жгучей обидой, она поворачивается к первому мужу, но его рядом больше нет: исчез. «Как это на него похоже – взять и исчезнуть!» – мелькает у нее мысль. Тут раздается металлический звук, предшествующий объявлению очередной остановки, но вместо низкого, хорошо поставленного голоса диктора она слышит сокрушенный голос покойной матери, повторяющий: «Не к добру это. Не к добру. Не к добру».

Она ударилась лбом о спинку переднего сиденья и проснулась. В автобусе стоял шум и гам. Оказалось, нескольким пассажирам срочно понадобилось в туалет (давали о себе знать возраст и состояние мочевого пузыря), и, посоветовавшись, они подошли к водителю.

– Вы не могли бы остановиться? – обратились они к нему по-русски. – Нам хотелось бы... выйти и выпить чаю, – объяснили они, постеснявшись сообщить истинную причину.

Водитель даже не повернул к ним головы.

– Эй, слушай! – сказали они громче и уже не так вежливо. – Останови автобус! Мы хотим чаю! Пожалуйста!

Водитель посмотрел на них в зеркало, задумчиво почесал нос и продолжал ехать.

– Стоп! Стоп! Стоп! – закричал один из пассажиров, и это слово водитель понял, потому что посмотрел на них другим, более решительным взглядом. Он слышал от других водителей рассказы о русских, которые категорически отказывались ехать туда, куда их направили, и требовали, чтобы их везли назад, в центральную часть страны. «Ну уж нет, – подумал он. – Со мной этот номер не пройдет. Только не в мою смену». И он надавил на педаль газа.

Автобус дернуло, и страдающим пассажирам стало совсем невмоготу. Мужчина, кричавший «Стоп!», придвинулся к водителю и показал рукой на свою ширинку. Тот окончательно рассвирепел. Ни стыда ни совести у этих русских! Он выругался и жестом приказал несчастному сесть на место вместе с его переполненным мочевым пузырем. Но хозяин мочевого пузыря не сел. С отчаянием человека, которому нечего терять, он снова показал на ширинку и вдобавок изобразил в воздухе небольшую дугу, начинавшуюся в паху и заканчивавшуюся за окном.

Автобус затормозил. Эта остановка и разбудила Катю.

Почти половина пассажиров поспешно высыпали из автобуса. Мужчины направились к ближайшим кустам, женщины отошли чуть подальше. Через несколько минут, успешно облегчившись, они вернулись, и тут выяснилось, что нет Анны Новиковой. На этот раз автобус покинули все пассажиры, кинувшись на поиски.

– Аня! Аня! – кричали те, кто хорошо ее знал.

– Новикова! Новикова! – кричали те, кто знал ее хуже.

– Никита! Никита! Где ты? Ты сейчас так мне нужен! – кричал Владик Гогельский, много лет назад работавший ассистентом оператора на съемках фильма Никиты Михалкова и с тех пор считавший себя не только крупным кинематографистом, но и близким другом легендарного режиссера.

– Если бы Никита был здесь, – сказал он Кате, шагавшей рядом с ним, – он бы уже сделал из этого фильм. По пути в свой новый дом в Израиле группа старушек делает привал, и одна из них пропадает. Катя, это же готовый сценарий!

В конце концов Анну Новикову нашли в не отмеченном ни в одном реестре склепе, куда она, оступившись, провалилась.

Годом позже в тот же склеп провалится заплутавший ученик иешивы, который отправит соответствующее взволнованное сообщение в Комитет по спасению древних захоронений, и тот после тщательной проверки объявит его могилой достопочтенного праведного законоучителя Шломо, так что вскоре эта могила превратится в место паломничества для всех, кто желает процветания своему бизнесу, а вокруг склепа образуется целая индустрия по производству футболок и бейсболок, а также организации экскурсий и лечебных сеансов в рамках холистической медицины. В результате мэр Авраам Данино будет вынужден, несмотря на горький опыт взаимодействия со всеми этими лжеправедниками, пойти на компромисс и обеспечить доступ к склепу, проложив к нему асфальтовую дорогу.

Но вот доступ к Анне Новиковой – как выяснилось, вывихнувшей ногу, – оказался затруднен, и операция по ее вызволению заняла несколько часов.

Глядя на Антона, руководившего спасательными работами (первый муж уже нашел бы предлог, чтоб исчезнуть), Катя испытывала гордость и вместе с тем сожаление. Почему они встретились так поздно? Когда он уже не способен... Черт... Когда он был моложе, он наверняка был... Может, теперь, в этой новой стране... Смена обстановки... Может, есть шанс? Она обняла себя за плечи, воображая, как они лежат в новой постели и его сильные руки сжимают ее.

Вечером, когда автобус наконец-то добрался до места назначения и за мгновение до того, как открылись двери, Антон взял ее за руку, наклонился к ее уху и прошептал:

– Начинаем все заново, котик. В нашем-то возрасте. Кто бы мог подумать...

* * *

Через две недели после встречи автобуса с мигрантами мэр Авраам Данино приехал в Иерусалим.

– Кого вы мне привезли? Кого?! – жалобно спросил он.

– Но позвольте! Вы же сами просили. Можно даже сказать, требовали. Как вы это назвали? Качественная иммиграция, верно?

В голосе сотрудника Министерства внутренних дел, ответственного за расселение репатриантов, Аврааму Данино чудилась – да нет, не чудилась, а явственно звучала – насмешка.

– Но я думал... В смысле я предполагал... – промямлил он, и в его мозгу сам собой вспыхнул образ Марины-Ольги-Ирины. Вот она на высоких – но не слишком – каблуках приходит к нему в кабинет, чтобы оформить разрешение на пристройку к дому. Они склоняются над чертежами подрядчика, и она вдруг поднимает глаза и говорит: «Уважаемый мэр, я хочу задать вам один вопрос». – «Спрашивайте, не стесняйтесь, – отвечает он и добавляет: – И зовите меня просто Авраам». Она протягивает руку к его щеке, медленно ее гладит и говорит: «Авраам, скажите, почему вы такой невеселый?»

Черт! Он должен прекратить об этом думать! Нет никакой Марины! Не было и не будет! Как глупо с его стороны – в его-то возрасте! – надеяться, что большая любовь исцелит его скорбь.

– Господин мэр, так дело не пойдет, – сказал ответственный чиновник. – Вы не можете два года терроризировать нас, а потом взять и передумать. С живыми людьми так не поступают.

– Но что мне делать со всеми этими...

– Все они люди в высшей степени достойные. Интеллигенция... Да, большинство из них пенсионеры...

– Большинство? – крикнул Данино. – Да среди них нет ни одного моложе шестидесяти!

– ...но при этом вполне самостоятельные. Ведь у русских принято, что бабушка и дедушка живут с детьми и внуками.

– И что из того?

– А то, что все, кто приехал в этом автобусе, – люди пожилые и не имеют родственников в Израиле. А если имеют, то те не захотели их у себя принять. Такие люди по определению должны быть талантливыми и находчивыми. Я абсолютно уверен, что они принесут вашему городу большую пользу.

– Но где вы их раскопали?! Скажите: где?

– Они организовались еще там, в России, и подали просьбу репатрироваться в Израиль вместе, группой. По-моему, это здорово.

– Но они... – сказал Данино, сунув руку за пояс. – Они даже не говорят на иврите!

– Так учите русский, Данино. Мы оплатим вам курсы, если пожелаете, – захохотал чиновник и встал, давая понять, что разговор окончен.

* * *

В первую же зиму после приезда репатриантов, поселившихся в квартале Источник Гордости, пошел снег. Снег в Городе праведников шел почти каждый год, и, когда это случалось, жители Города грехов садились в пикапы, приезжали сюда, загружали снег в багажник и везли домой – показать детям. Но в ту зиму наблюдалось необычное явление: снег выпал исключи-

тельно в новом квартале, но не в остальной части города. И правда, в центре на землю опустилось всего несколько мгновенно растаявших снежинок, зато в Источнике Гордости высились полуметровые, если не больше, сугробы.

– Эстер, ты даже не представляешь, что там творится! – сказал почтальон, вернувшись домой и поднося руки к спиральному электрообогревателю в гостиной ближе, чем обычно (почтальон был единственным из горожан, кто регулярно – по долгу службы – посещал квартал). – Сибирь! Настоящая Сибирь!

– Сибирь! Настоящая Сибирь! – на следующий день повторила Эстер своей парикмахерше Симоне. – Ты даже не представляешь, что там творится!

Поскольку слова, произнесенные в парикмахерской Симоны, распространялись со скоростью чернил, растекающихся по льняному полотну, то вскоре к новому кварталу прочно приклеилось обидное прозвище «Сибирь», а к реальному километру, отделявшему его от города, добавилось несколько воображаемых.

* * *

Каждый вечер, незадолго до того, как солнце скрывалось за антеннами военной базы, Антон клал руку Кате на плечо и говорил:

– Ну что, котик, пошли?

Она и сама знала, что им пора на ежедневную прогулку, но ей нравилось чувствовать его руку на своем плече, нравилось, что он зовет ее «котиком», поэтому она позволяла ему командовать собой, подавать пальто и открывать перед ней дверь. Зато во всем остальном он ей всегда уступал.

На улице они встретились с пассажирами автобуса в полном составе. С той поездки прошло уже два года, но, как это ни удивительно, никто из прибывших не умер. Иногда, попивая вечерний глинтвейн, Катя и Антон гадали, кто из репатриантов первым покинет этот мир. Как-никак все они в возрасте, и когда-нибудь это должно случиться. Антон вслух сочинял умершему эпитафию, а Катя смеялась до слез – у него здорово получалось – и протягивала к нему свой стакан, чтобы чокнуться еще раз. На следующий день они спускались по ступенькам крыльца, выходили на улицу и с замиранием сердца ждали: появится тот, кого они вчера оплакивали, на вечерней прогулке или нет. Кроме них никто об этом не знал; это был их секрет. (Однажды Антон, несмотря на ее протесты, заявил, что первым умрет он, и начал сочинять надгробную речь для самого себя, но, хотя речь получилась смешная – действительно смешная, – Катя даже не улыбнулась.)

Встречаясь с жителями квартала, они всем говорили: «Добрый вечер». За единственным исключением. Того, кого они вчера «хоронили», они приветствовали словами: «Крепкого вам здоровья!» Все гуляющие – парами или поодиночке – направлялись к аллее. Некоторые вели на поводке собак, но никто не шел с детьми. Они все еще носили привезенную с собой одежду и говорили на тамошнем языке; транзисторный приемник Шпильмана, с которым тот не расставался, плотно прижимая его к уху, все еще был настроен на московскую радиостанцию; и даже погода (Катя помнила, что писала ей Таня в своем первом письме: «Погода в Израиле ужасная. Воздух влажный, липкий, душный и тяжелый, ходишь как будто по уши в компоте»), даже погода в этом городе походила на тамошнюю: зимой уши и нос ощутимо пощипывало, а летом по ночам бывало прохладно. В том числе и по этой причине Катя ни за что не согласилась бы жить на равнине. Даже если бы Таня пригласила ее перебраться к ним.

«А все-таки обидно, что она нас не приглашает, – подумала Катя. – Тогда я смогла бы отказаться». Она обхватила мускулистую руку Антона, и они зашагали по Тополиной аллее, начинавшейся в их квартале, а заканчивавшейся у железных ворот военной базы. Справа тянулась засаженная оливами широкая долина, слева – роща карликовых кипарисов, разбитая в

память о каком-то человеке (жаль, что она не в состоянии прочитать табличку); чуть дальше пасся красивый конь шоколадного цвета. По субботам собирались желающие на нем покататься, но в остальные дни недели он стоял без дела или бегал по сооруженному на скорую руку загому. Конь был так красив (литые мускулы, крепкий круп), что вызывал у Кати непристойные мысли. И хотя такие вещи обычно смешили Антона, она не спешила делиться ими с ним – зачем сыпать соль на раны.

За загомом раскинулся пустырь, и иногда там мелькал лисий хвост. Как-то раз, когда к ним в гости приезжал Даниэль, они увидели лису так близко, что мальчик захотел ее погладить, но Антон ему не позволил.

– Лисы кусаются, – объяснил он. – Лучше их не нервировать.

– Но кто же тогда их погладит? – огорчился Даниэль. – Все их боятся, и никто не гладит!

– А может, они не любят, чтобы их гладили? Кто знает? – сказал Антон.

– Сам посмотри, какой у нее пушистый хвост. Наверное, мягкий. Наверно, ей очень приятно, когда ее гладят, – буркнул Даниэль и неохотно пошел дальше, но тут обернулся, еще раз взглянул на лису, а потом, обращаясь к бабушке, проворчал: – Даже если у вас тут и попадетсЯ что-нибудь интересное, так вы сразу: нельзя!

Катю пронзил страх. Что, если настанет день, когда ему надоест проводить субботу с бабушкой, и он перестанет к ним приезжать? Что, если она лишится возможности видеть веселые искорки в его глазах, наблюдать, как он с аппетитом уплетает испеченные специально для него пирожки с мясом, слушать его умные вопросы? «А почему вы переехали в Израиль? Из-за меня? Как-то странно... А почему вы не говорите на иврите? Бабуль, а какая ты была, когда была маленькой? Непослушная? А Антон? А почему ты не живешь с нами, как бабушка Михаэля и бабушка Эди?»

После лисьего пустыря аллея изгибается и сворачивает к военной базе, но до ее ворот они никогда не добираются. Антон не любит туда ходить. От вида военной формы ему становится плохо. «От военной формы и армии пахнет мороженой картошкой, – говорит он. – Этот запах одинаковый во всех странах мира». Однажды они подошли к воротам слишком близко, и он вдруг задрожал всем телом. У него затряслись плечи, руки, колени. Но объяснить, в чем дело, он наотрез отказался.

– Антон, я же просто... – взмолилась она. – Может, если ты расскажешь, я смогу тебе помочь?

Но он ответил с несвойственной ему грубостью:

– Мне не нужна ничья помощь. И рассказывать я ничего не хочу. Я прошу только об одном: пойдём назад. Я требую слишком многого?

На обратном пути он снова взял ее под руку и уже своим обычным голосом сказал:

– Ну вот, теперь во мне появилась загадка... По-моему, это романтично, а?

Дома в их квартале были разбросаны по склону горы, словно овцы. «Может, в один прекрасный день, – думала Катя, – какой-нибудь дом разинет пасть и заблеет?» По небу на фоне красного предзакатного солнца летали птицы. Там она наперечет знала имена всех птиц, но здесь было много таких, каких она раньше никогда не видела. Поэтому она молча смотрела, как они – одни с шумом, другие беззвучно – машут крыльями; одни – маленькими, другие – большими. Антон тем временем рассказывал ей, что бы он, будь его воля, изменил у них в квартале. Когда они шли домой, его всегда переполняли самые разные идеи. Надо организовать шахматный клуб. Он будет открыт по утрам, потому что утром мозг работает лучше всего. Установить металлические поручни вдоль Тополиной аллеи для тех, кому трудно передвигаться. Основать публичную библиотеку с книгами на русском языке. Наладить изучение иврита. И пусть преподаватели приходят к ученикам на дом. Нет, не преподаватели, а преподавательницы! Молодые! Загорелые! В топах с открытым пупком! Чтобы у студентов был стимул учиться.

Последний пункт в список он добавил только потому, что заподозрил: Катя его не слушает. Она в ответ легонько ущипнула его за руку: мол, слушаю, слушаю.

Позже, дома, они повесили на вешалку пальто, и он ушел к себе в комнату напечатать свои предложения на привезенной из России пишущей машинке. По дороге в Израиль у машинки отломилась буква «Х», приделать ее назад он не смог, и потому ему приходилось проявлять чудеса изобретательности, формулируя свои мысли в словах без этой буквы.

Катя тем временем поставила чайник, заварила чай и налила два стакана, опустив в каждый по кусочку сахара. Когда стих стук машинки, она отнесла Антону стакан в подстаканнике – как он любил, полила цветы в горшках на подоконнике, удобрил почву размоченным в воде черствым хлебом, проверила подвешенный к ручке шкафа марлевый мешочек с простоквашей – готов ли творог – и вышла на балкон.

Дописав письмо, Антон сунул его в конверт (на котором Даниэль по его просьбе написал адрес мэрии), взял стул и присоединился к Кате. Погасив по пути единственную на балконе лампочку, чтобы светили только звезды, он молча сел. Они в последний раз прокашлялись, поудобнее откинулись на спинки стульев и замерли в ожидании. Он поправил воображаемый галстук, она задрала подбородок. Оба знали, что вот-вот начнется единственное культурное развлечение, доступное по вечерам у них в квартале. Концерт ре минор. В исполнении симфонического оркестра шакалов.

* * *

Утра, подобные этому, выдавались у Моше Бен-Цука не так уж редко. Обычно они совпадали с критическими днями его жены Менухи. Вынужденное долгое воздержание, продиктованное религиозным запретом, но в еще большей степени – ощущение, что ее это не только не огорчает, но даже радует, роняли ему в душу семена тревоги, дававшие буйную поросль, которая оплетала его изнутри, мешая дышать. Сегодня, например, пока она собирала детей в школу, он лежал в постели и прислушивался. Дети весело щебетали с мамой и друг с другом, но никто и не заглянул к нему в комнату. Даже младший (Моше считал его самым «своим», потому что тот походил на него как две капли воды; в роддоме он первым взял его на руки, так как у жены было кровотечение; он был привязан к папе и старался подражать его манере говорить и походке), даже младший – и тот не пришел. Бен-Цук помнил, что сам категорически запретил детям заходить по утрам в родительскую спальню, но вдруг почувствовал себя брошенным. Лишним. Как будто он им не отец, а отчим. Именно это чувство, не покидавшее его никогда (за исключением разве тех лет, когда он обрел счастье в объятьях Айелет, а она – в его объятьях, когда они ощущали себя одним целым), именно это чувство, что он везде чужой, и привело его в лоно религии. Чем глубже он погружался в веру, тем быстрее крепло в нем убеждение, что причина его одиночества – не воспитание в кибуце, куда его отправили после болезни и смерти матери и кончины отца, пережившего ее всего на полгода, а его постоянное стремление к постижению загадки жизни. Той загадки, которую «они» не постигнут никогда. Теперь его окружали люди, вместе с ним разделяющие это тайное знание; мало того, он сумел создать на этой почве семью. Откуда же в нем снова ощущение пустоты? И какой смысл во всех его стараниях стать «своим», если даже в кругу собственной семьи он чувствует, что есть «он», а есть «они»? Может, лучше попробовать отыскать Айелет? Он найдет ее по запаху, одной рукой крепко обнимет за талию, второй закроет ей глаза и скажет: «Угадай, кто это».

Господи, помилуй, Господи, помилуй... Моше Бен-Цук спрыгнул с кровати. Эрекция топорила его пижамные штаны. Как эта Лилит проникла в его мысли? Хватит, хватит, хватит! Он прожил без нее семь лет, семь спокойных лет. Нельзя позволить ей вторгаться в его сознание, иначе он пропадет в тумане любовной тоски. Он вышел на маленький балкон. На подоконнике стояли стеклянные банки с заготовками его жены Менухи. Капуста, оливки, мор-

ковь, ломтики арбуза, редька, огурцы – маленькие, средние, большие. Первое время она мариновала какой-нибудь один овощ (обычно в начале недели, чтобы можно было съесть в Шаббат), но в последний год это хобби полностью ею завладело, и на кухонном окне уже не хватало места для ее продукции.

Мелкие огурцы уже обесцветились, и это означало, что банку пора переставлять в холодильник. Но он этого не сделал, а вместо того облокотился о перила и стал поверх забора из банок смотреть на соседнее кладбище. В кибуце кладбище располагалось на отшибе, в кипарисовой роще, вдалеке от жилых домов, а здесь оно раскинулось в самом центре города. Все хотели жить как можно ближе к похороненным праведникам, и им самим удалось поселиться в этой квартире только благодаря отцу Менухи, раввину.

Он нашел глазами могилы главных праведников. Это не составило труда – в отличие от всех остальных, белых, они были выкрашены синим. Все «синие» сгрудились – как делали это и при жизни – вокруг святого ребе. Бен-Цук уставился на синие могилы (в надежде, что его защитит их святость), но хотя обычно это помогало, сегодня утром не подействовало. Он перевел взгляд с могил на стоящую возле них женщину. Она прикрывалась рукой от солнца – в точности, как когда-то Айелет. Нет, не может быть. Это абсолютно исключено. Он наклонился и прищурился, но женщина исчезла. Как будто ее и не было. Наверно, она ему привиделась. Конечно, привиделась. Он ушел с балкона, умылся и вытерся полотенцем с вышитыми словами «Я совершил(а) омовение в микве святого ребе». Но и это не помогло. Он понял, что ему нужна карта. Срочно! Он порылся в своих бумагах и нашел новейшую карту Города праведников. В масштабе 1: 20 000.

Странно. Он внимательно изучил карту. Сибирь на ней не отмечена. Он посмотрел на дату. Карта выпущена всего несколько месяцев назад, а люди живут в Сибири уже больше двух лет. Тем не менее на том месте, где она должна быть, значится: «Незастроенная городская территория». Наверно, это очередная мелкая пакость со стороны Данино. Как он хотел заполучить репатриантов! Как умолял Министерство внутренних дел, чтобы ему их прислали! И вот они приехали, а он в упор их не видит. Как будто они в чем-то перед ним провинились. В чем именно, никто не знал, но настроение начальника не было секретом для подчиненных. «Берегите ваши души», – словно говорил он им. Иными словами, сведите к минимуму все контакты с обитателями нового квартала, не отвечайте на их обращения, не выделяйте им денег и не приглашайте на мероприятия.

Недостаток информации порождает слухи. Рассказывали, что в Иом-кипур из домов Сибири слышалась музыка, а парочка жителей жарила барбекю. Что в Хануку у них в окнах не было видно ни одной ханукии, зато на заднем дворе одного дома стояла елка с гирляндой из цветных лампочек. Что они бывшие агенты КГБ, которых привезла в Израиль секретная-военная-база-про-которую-знают-все, и что им платят огромные деньги, чтобы они подслушивали русских ученых, помогающих Сирии делать атомную бомбу. Хуже того, они якобы подали заявление с просьбой вернуть их в «матушку Россию», уже пакует вещи и вот-вот уедут. Их обвиняли в том, что они никогда не выходят в палисадник. Или в том, что они весь день проводят в палисаднике. Что они нашли затерянную могилу Нетанэля Анихба и молятся там лже-мессии Шабтаю Цви. Что они снимали с косяков своих дверей все мезузы. Что в их квартале нет ни одного человека с еврейской фамилией. И что все мужчины у них – необрезанные.

И вдруг – как снег на голову – Бен-Цук должен построить им микву. Именно им. И именно он. С какого перепугу? Не иначе, Данино задумал ему отомстить. Еще одна его мелкая пакость. Как он его просил! Как умолял! «Приходи ко мне работать! Ты принесешь городу большую пользу! Мне нужен твой командирский опыт!» Но в последнее время на заседаниях горсовета он только и делает, что ругает Бен-Цука, а когда тот выступает, закатывает глаза. Как будто Бен-Цук перед ним тоже в чем-то провинился. Но в чем? Бен-Цук этого не знал.

«Делать нечего, – уныло думал он. – Раз квартала нет на карте, придется туда съездить».

Он оделся потеплее, натянул черную вязаную шапку (говорили, что в Сибири холоднее, чем в городе) и отправился в путь.

Зная любовь израильтян к машинам, подрядчик перед каждым домом квартала Источник Гордости распланировал стоянку. Правда, ни у одного из обитателей Сибири не было машины. Поэтому, добравшись на своем «мицубиси» до места, Бен-Цук мог выбрать любую из десятков пустующих стоянок, большая часть из которых успела зарости плющом, но по привычке – и на всякий случай – он припарковался возле тротуара.

Из машины он вышел с некоторой опаской. Дул сильный ветер, от которого раскачивались верхушки деревьев и мерзла шея.

Из ближайшего двора раздался львиный рык. Эта зверюга не могла быть собакой. Не могла, и все тут. Густая каштановая грива украшала ее голову, как корона. Она двигалась ленивой угрожающей походкой. Небось оттуда привезли, из своей России. Бен-Цук перешел на другую, более безопасную, сторону улицы и принялся разглядывать пристроенные к домам перголы. Он никогда раньше таких не видел. Коричневые, из толстого бруса, мрачные, как гробы, но при этом украшенные затейливой резьбой и зубцами по краям. Как на башенках песчаных замков. Или как в этом их кириллическом алфавите.

Погруженный в созерцание пергол, он чуть не столкнулся с мужчиной, который шел по улице, опираясь на дорожную трость с набалдашником в форме позолоченной орлиной головы.

– Здравствуй, – поприветствовал его Бен-Цук, но тот не ответил.

А вот и еще один: весь в белом, лицо светится; он чем-то напомнил Бен-Цуку Нетанэля Анихба из видения Ицхаки. Но, как и первый, тоже проигнорировал его приветствие. Если бы он поздоровался в ответ, Бен-Цук спросил бы его: «Уважаемый, как вы считаете, где здесь лучше построить микву? Дело в том, что решить этот вопрос не так-то просто... По одной стороне – дома... Посередине – дорога... А по другой – крутой склон, который спускается в долину...» Но мужчина в белом прошествовал мимо, как будто ничего не слышал. А может, и правда не слышал?

Чуть поодаль, на автобусной остановке, сидели две пожилые женщины. «Может, спросить у них?» – подумал Бен-Цук. Тут из-за поворота появился и затормозил на остановке автобус. «Что за робость на меня сегодня напала? – рассердился на себя Бен-Цук. – С утра я сам не свой». Автобус отъехал, но женщины остались сидеть, где сидели. «Естественно, – понял он. – Где же еще им сидеть? Лавочек в Сибири нет. Данино не разрешил их ставить. Вот они и сидят на остановке. Но подходить к ним я, пожалуй, не стану. Еще набросятся на меня со своими претензиями, и придется в одиночку отдуваться за всю мэрию. И вообще, зря я сюда приехал. Теперь это ясно как божий день. Нельзя заниматься делами, если день начинается с мыслей об Айелет».

К нему подкатился футбольный мяч. «Ну, с этим-то я справлюсь», – подумал он, остановил мяч ногой и стал ждать, когда за мячом явится какой-нибудь мальчишка, с которым они поговорят на международном языке футбола. Он удивит его точным сильным ударом, и это сломает лед отчуждения. Но за мячом никто не шел. Улица так круто поднималась в гору, что мяч мог прикатиться с другого ее конца. Или с другой стороны земного шара. Бен-Цук стоял на ледяном ветру с мячом под мышкой и напрасно ждал его владельца. Устав от ожидания, он обратил внимание на небольшой холм позади автобусной остановки. Даже не холм, а нечто вроде пригорка, с которого открывался вид на долину. Бен-Цук закатал брюки (чтоб не испачкать), по скользкому склону забрался на пригорок и прикрыл рукой глаза от ветра. С дерева взлетел гриф; какое-то время он парил в воздухе, а затем поднялся выше и исчез за военной базой. Бен-Цук достал из кармана рубашки карту и отметил на ней эту территорию. Из кармана брюк вынул телефон и сдвинул с уха черную вязаную шапку.

– Ноам? Это Бен-Цук. Как дела?

– Привет, Бен-Цук. Куда ты запропастился? Я уж соскучился.

Бен-Цук знал, что Ноам – не настоящее имя его собеседника и что за его льстивыми словами скрывается корысть. Но ему все равно было приятно их слушать.

– Ноам, у меня для тебя есть работенка.

– Да? Вообще-то я сейчас завален работой...

Обычное дело: Ноам начинает торговаться.

– Брось, – перебил его Бен-Цук. – Ты не пожалеешь. У меня хороший бюджет. Плюс будет бонус. На твоём месте я бы не отказывался.

– Бонус?

– Все подробности потом. Приходи завтра... и не забудь захватить бинокль.

Бен-Цук убрал телефон в карман, натянул на замерзшее ухо шапку и ещё какое-то время постоял на пригорке с чужим мячом в руках: может, кто-нибудь за ним все-таки придет? Никого не дождавшись, он бросил мяч в машину и поехал домой. Дети наверняка обрадуются новому мячу. Особенно младший. Что, если спрятать мяч за спиной? Войти в дом и неожиданно протянуть ему: вот тебе подарок? Возможно, блеск в его глазах и торопливое объятие – даже если он тут же вырвется и убежит – позволят Бен-Цуку хотя бы на несколько мгновений почувствовать себя не отчимом, а отцом?

* * *

В шесть лет Наим влюбился в птицу. Это был щегол с желтым пятном на крыле и с красной головой. Наим шел по полю, когда перед ним вдруг взлетела целая стая щеглов.

В семь лет Наиму удалось впервые погладить щегла. Это было возле магазина Мунира. Он сделал это на спор. Его друзья утверждали, что у него ничего не получится. Стоит ему приблизиться к щеглу, тот улетит.

В девять лет ему сел на плечо угод. Через несколько секунд он улетел, но Наим целый день вспоминал, как в тело вонзились его чудесные коготки.

В десять лет он выбросил клетку, которую подарила ему мама. Будь он старше, он сумел бы объяснить ей, что птицы хороши именно тем, что могут свободно летать.

Отец называл его птицеловом. То есть бездельником. Неисправимым лодырем. Дети его дразнили, щекотали ему шею перьями, кидались в него камнями, устраивали ему западни из веток и смеялись, когда он падал.

В пятнадцать лет он пришел на орнитологическую станцию, расположенную у озера-в-котором-нет-воды, и предложил себя в качестве волонтера. Арабский акцент ему удалось скрыть, но, узнав его имя, они согласились взять его только на должность уборщика. Он был рад и тому. Потому что с крыши женского туалета открывался великолепный обзор. Осенью, окончив смену, он поднимался туда, наблюдал за перелетными птицами и искал в определителе их названия.

Когда ему было пятнадцать с половиной, мальчишки в деревне забили камнями сипуху. «Зачем вы это сделали? – закричал он, глядя на умирающую птицу. – Зачем?!» – «Она приносит несчастье, – отвечали мальчишки. – Смотри, какая уродина». – «Ничего подобного! – возмутился Наим, задыхаясь от бессильного гнева. – Сипухи очень полезные! Они поедают мышей, которые вредят посевам! Даже в Коране написано, что нельзя их убивать!» – «Сипухи приносят несчастье», – стояли на своем мальчишки.

Когда ему было шестнадцать, отцу все это надоело. Он не побил сына и не свернул у него на глазах голову птице; он просто сказал: «Теперь ты мужчина. – И добавил: – Пора тебе зарабатывать на пропитание младшим братьям». На следующий день он взял его с собой на стройку и стал обучать основам ремесла. Как обращаться с зубилом, как перемешивать бетон, как обтесывать камни. И еще: как торговаться с евреями и как с ними работать. Как втайне

гордиться собственным происхождением, а внешне демонстрировать покорность и смирение. Как создавать у них иллюзию, что всем заправляют они, хотя на самом деле это не так.

Когда ему было семнадцать, из Наима он превратился в Ноама. Первый подрядчик-еврей, с которым он работал, назвал его так по ошибке, но это имя приклеилось к нему. Вслед за подрядчиком его стали звать Ноамом рабочие, вслед за рабочими – их жены, а в конце концов и все остальные. Кроме матери и отца.

К двадцати одному году он уже и сам толком не знал, как его зовут – Наим или Ноам. Зато он знал, что приставшее к нему еврейское имя и еврейская внешность помогают получать заказы, предназначенные только для евреев. Иногда его нанимали в открытую, иногда – в более деликатных случаях, когда речь шла о строительстве синагоги или миквы, – для отвода глаз отдавали заказ липовому подрядчику (которому платили за молчание), но на самом деле всю работу делал Наим.

В двадцать три года Ноам-Наим купил на скопленные деньги свой первый бинокль, «Никон». Где бы ни работал, он всегда брал его с собой и в перерывах, когда другие рабочие ели или сплетничали (или ели и сплетничали), он – худощавый, почти тощий, с заостренным, как у птицы, лицом – находил самую лучшую для наблюдения за птицами точку, брал в руки висевший на груди бинокль и полностью отдавался созерцанию.

* * *

В субботу утром Антон повел Даниэля на прогулку по кварталу. Со стороны они казались дедом и внуком, а при сильном желании между ними можно было обнаружить и внешнее сходство: у обоих были похожие носы, горделивая осанка и манера при ходьбе чуть-чуть клониться вправо. Недавно Даниэль спросил его:

– Скажи, а я тебе кто?

Антон знал, что мальчик ждет от него точного ответа – например, «неродной внук» или «приемный внук», – но вместо этого сказал:

– Ты моя смешинка. А все остальное не имеет значения.

Даниэля этот ответ не устроил; он потребовал, чтобы Антон в который уже раз все ему подробно объяснил, и тот, как всегда, сдался. Он знал: детям (особенно тем, кого срывали с насиженного места) хочется жить в мире, где царит порядок. Он рассказал Даниэлю, что его бабушка была замужем за другим мужчиной, что этот мужчина исчез, сбежал, и бабушка много лет жила одна и очень грустила. Антон познакомился с ней в доме престарелых и увидел, что, хотя она и грустит, ее не так уж трудно рассмешить, и понял, что наконец-то нашел то, что так долго искал, то, ради чего стоит жить. Понял, что будет жить, чтобы радовать Катю.

– И когда Катя, то есть твоя бабушка, сказала, что у нее есть в еврейской стране внук и что она скучает по нему так сильно, что больно дышать, – продолжал Антон, – я поцеловал ей руку и сказал, что готов поехать в еврейскую страну – хотя я не еврей и не молюсь ни одному богу, – лишь бы ей стало легче дышать. Единственное, на что я не готов, так это лежать на печке в доме у детей, как это делали мои дед и прадед. Я ненавижу этот паразитический обычай и хочу, чтобы мы жили отдельно, в собственной квартире. Все это, – объяснял он Даниэлю в тысячный раз, – я сказал Кате, то есть твоей бабушке, еще до отъезда в Израиль, чтобы потом не возникло никаких недоразумений. Но один сюрприз меня все-таки ждал. Потому что внуком, о котором я столько слышал, оказался не кто-нибудь, а ты, Даник.

– А твой сын? Он не рассердился, что ты уехал в Израиль? – спросил Даниэль, и сердце у Антона сжалось.

Ох уж этот Даник... Вечно он задает самые неудобные вопросы.

– Мой сын уже большой, – через несколько секунд ответил он. – За него можно не волноваться. Он и без меня прекрасно справляется.

Даниэль приезжал к ним в гости каждую вторую субботу, и каждую вторую субботу они с Антоном ходили гулять. Чтобы дать Кате поспать. Она любила спать допоздна. В квартале не было ни детской площадки, ни сказочной избушки, в которой можно полазать, поэтому они просто ходили и разговаривали. Антон называл эти разговоры «мужскими»: «Потолкуем как мужик с мужиком». А о чем обычно говорят между собой мужчины? Например, с Даниэлем училась в одном классе девочка по имени Шони. Даниэль был в нее влюблен, но не решался к ней даже подойти.

– Почему?

– Потому что я репатриант. Потому что я ниже ее на полголовы. Потому что она – это она, а я – это я.

– Слушай меня внимательно, – назидательно произнес Антон. – Эта Соня...

– Шони, – поправил его Даниэль.

– Ну, Шони так Шони... – Антон чуть повысил голос: – Это она должна быть тебе благодарной за то, что ты ее любишь!

Затем он, имевший богатый опыт ухаживания за женщинами, решил дать Даниэлю несколько практических советов:

– Неважно, сколько тебе лет, в этих делах возраст значения не имеет. Начни оказывать знаки внимания ее лучшей подруге. Ревность способна разжечь самое слабое пламя. Смотри на нее в упор, а как только она поймает твой взгляд, сразу отвернись. Пусть ее одолеют сомнения: смотрел ты на нее или нет. Пропой ей на ухо строчку из какой-нибудь песни про любовь, буквально одну строчку, и сам себя оборви. Когда будете заходить в класс, открой перед ней дверь.

Слушая Антона, Даниэль чувствовал, как к нему возвращается уверенность, но доживала эта уверенность только до вечера субботы. От нее не оставалось и следа, стоило ему увидеться в классе с Шони.

– Найди у нее какой-нибудь недостаток, – однажды предложил Даниэлю Антон и, встретив его удивленный взгляд, поспешно добавил: – Не может быть, чтоб у нее не было ни одного недостатка. Они есть у всех. Если не внешние, то внутренние. Десять лет назад, в Москве, одна дамочка попросила меня помочь ей открыть заклинившую железную дверь, и я...

– Смотри! – воскликнул Даниэль и указал рукой на глубокую яму за автобусной остановкой.

«Что это со мной? – подумал Антон. – Слеп я, что ли? Как же я не заметил эту яму? Я ведь раз сто мимо нее проходил».

Они осторожно приблизились к краю ямы. Откуда она здесь взялась? Собака разрыла? Нет, яма великовата. Кратер от падения метеорита? Нет, тогда яма маловата. Может, это вход в секретный тоннель, проложенный к секретной военной базе на той стороне долины? Но вход в секретный тоннель должен быть замаскирован...

– Понял! – хлопнул себя по лбу Антон. – Это клуб!

– Какой клуб? – удивился Даниэль.

– Шахматный клуб! В мэрии наконец-то получили мое письмо. – Антон попытался шагами измерить периметр ямы. – Так и есть, Даник. – Он ткнул пальцем в центр ямы. – Там будут стоять столы. На каждом столе – доска и часы. Возле каждого стола – два стула. А с этой стороны в стене будет окно с видом на долину. Чтобы тот, кто ждет хода соперника, мог скрыть волнение. Сделать вид, что он абсолютно спокоен: вот, сидит, глазеет на птиц. Здесь будет центральный вход и вешалка для верхней одежды, а здесь, в этом углу, поставят стол с кофе, чаем и маслинами. Маслины – это самое главное! Маслины улучшают мыслительные способности! Пойдем домой, Даник. Пора начинать подготовку. Судя по состоянию котлована, клуб откроется уже через несколько месяцев, а ты еще не все фигуры выучил!

* * *

Для Ноама и его бригады эта миква была не первой. Он успел накопить достаточно опыта, чтобы точно знать, какова должна быть площадь бассейна и сколько в него должно помещаться воды, какого размера должна быть площадка для банщицы, что такое «оцар» и «шокет-олаха», чем отличается мужская миква от женской и как предотвратить «зхилу», то есть протечку, которая сделает микву непригодной. Поначалу он пользовался чертежами раввина Шенбергера, но с годами нуждался в них все меньше и все больше полагался на собственные знания. Бен-Цук обратился к нему в момент, когда он был на пике профессиональной карьеры: обладал всеми необходимыми умениями, чтобы решить любую возникающую в ходе строительства проблему, но еще не пресытился своей работой и трудности его только радовали.

Что до сооружения первой миквы в Сибири, то это, несомненно, была трудная задача. Бен-Цук выделил ему щедрый бюджет, и Ноам считал своим долгом сделать так, чтобы вложенные средства оправдались. Эта миква станет маленьким шедевром; комнаты ожидания, души, вентиляция – все будет не хуже, чем в турецкой бане. В первые недели Ноам был так занят, что совсем забыл про висевший у него на шее бинокль. Он позволил себе снова взять его во время перерыва в руки и поднести к глазам только после того, как убедился: все идет как по маслу.

Бен-Цук оказался прав. Место, выбранное для миквы, было поистине уникальным – нечто вроде созданной самой природой наблюдательной площадки. Внизу расстилалась долина, над которой кружили все водившиеся в регионе птицы. Соколы, журавли, удоны, цапли... Но дело не ограничивалось птичьим разнообразием. Имелся и дополнительный, как выразился бы Бен-Цук, бонус. Ноаму потребовалось несколько дней, чтобы сообразить, откуда такое количество птиц. Их привлекала военная база по ту сторону долины. По-видимому, от расположенных под землей секретных сооружений исходило тепло, создавая термические потоки воздуха, в которых птицы могли свободно парить. Кроме того, там возвышались огромные антенны. К одним из них птиц тянуло как магнитом, от других как будто отбрасывало. Громкие звуки, раздававшиеся из приборов системы оповещения («Красный орел! Красный орел! Дежурное отделение – на строевой плац!»), их пугали, зато сам строевой плац они любили. Солдаты на плацу, похожем на площадь Сан-Марко в миниатюре, появлялись редко. Чем больше Наим наблюдал, тем яснее понимал, что солдаты военной базы львиную долю времени проводят под землей, оставляя все, что на поверхности, птицам. Однажды он следил за парой серых журавлей, взлетевших с самой высокой антенны и нырнувших в долину, и вдруг заметил припаркованный за оливой «пежо». Он навел фокус и увидел за лобовым стеклом голое тело. Точнее говоря, ягодицы. Две дольки. Ему не хотелось на это смотреть, но оторвать от сцены взгляда он не мог. Ягодицы быстро и ритмично, как клюв дятла, поднимались и опускались; под обнаженным телом виднелось еще одно, со спущенными штанами. Вообще говоря, ничто не мешало Наиму перестать на это смотреть и вернуться к наблюдению за журавлями, но он вместо этого подвинулся чуть левее, чтобы картину не загоразживал противосолнечный козырек на водительском месте, и увидел четыре ноги, обутые в высокие армейские ботинки. Пока Наим пытался осмыслить, что происходит, лежавший снизу мужчина приподнялся, повернул свою лысую голову и оказался к нему в профиль. Наим отпрянул, словно севшая не на ту антенну птица, мгновенно опустил бинокль и, обращаясь к рабочим, заорал: «Чего расселись? Перекур окончен! Миква должна быть сдана в срок! Я не собираюсь вас целый день пинать под задницу!» Рабочие уставились на него с изумлением. Раньше он никогда на них не орал, тем более не использовал таких выражений, как «пинать под задницу». Поэтому они и любили с ним работать. Что за муха его укусила? До конца смены Ноам сердито резал кафельную плитку и ни с кем не разговаривал. На следующий день в обеденный перерыв он снова поднялся на наблюдательную площадку и направил бинокль на вчерашнее место, но увидел лишь кусты, камни

и коров, которые то ли привычно паслись, то ли случайно сюда забрели. «Наверно, я схожу с ума, мерещится всякая чепуха, – подумал он. – Все из-за того, что я одинок. Может, хватит мечтать о длинноногой женщине с дерзким взглядом, которая снится мне каждую пятницу перед восходом солнца? О женщине, которая, как и я, любит птиц? Может, пора спуститься на землю и жениться на девушке из деревни, как делают все и о чем твердят мои родители? А птицы... В крайнем случае потом научу ее в них разбираться».

* * *

Несколько последних суббот Антон учил Даниэля играть в шахматы. Терпеливо. В гостиной. Катя лежала в постели и прислушивалась.

– Это пешки, – говорит Антон. – Самые неважные фигуры. Вроде рядовых солдат. Ими не особо дорожат. Жертвуют ими во славу великих полководцев. Поэтому, Даник, быть солдатом – это не сахар. Лучший день в жизни солдата – это день демобилизации. А как демобилизоваться шахматному солдату? Вот, смотри. Если он пройдет через всю доску, то станет ферзем, и его жизнь полностью изменится. Ферзь ходит в любом направлении, он сильный и здоровый. В шахматах ферзь сильнее короля. И красивее. Иногда его называют королевой. Поэтому его надо беречь как зеницу ока. Без ферзя король очень слаб. Он, конечно, может продолжать жить без своей королевы, но в этой жизни будет мало смысла. Фактически он просто будет ждать конца партии. Поэтому очень важно не подвергать королеву лишнему риску. Она хоть и сильная, но нежная. У нее сахарное сердце. Как у твоей Сони. У нее тоже сахарное сердце. Скоро ты в этом убедишься, не волнуйся. В любом случае, Даник, для королевы опаснее всего конь. Конь ходит немножко странно, даже нелепо, но в том-то и кроется его секрет. Тот, кто осмеливается быть не таким, как все, получает преимущество. Вот, смотри. Конь делает два шага вперед и еще один – в сторону. Налево или направо. Видишь? Представь себе всадника. Он мчится вперед, преодолевает две клетки, а потом останавливается, слезает с седла и делает шаг в сторону. Ну-ка, попробуй сам. Отлично, молодец. Очень хорошо. Ты все понял. Гораздо быстрее, чем мой сын Николай. Но, может, я сам в этом виноват. Слишком много от него хотел, но не знал как... Слишком на него давил. И он сломался. Неважно. А сейчас возьмем слона. По-другому его называют офицером. Давным-давно, когда даже твой Антон еще не родился на свет, король, если хотел сообщить своему главнокомандующему что-нибудь важное, посылал ему с офицером депешу. Тогда еще не было ни почты, ни телефонов, ни компьютеров. Компьютер, Даник, – это классная штука. Он поможет тебе учиться. Только помни, что компьютер не сделает тебя счастливым. Понимаешь? Чтобы быть счастливым, нужны друзья. У нашего офицера тоже есть друг, который ходит по черным клеткам. Как и у твоего соперника. У каждого из вас по два офицера. Один в белых сапогах, другой – в черных. Почему их два? Как ты думаешь? Верно. Если одного убьют в бою, будет кем его заменить. Что у нас осталось? Ладья. Ладья – она чем-то похожа на твоего папу. Ходит только по прямой. Скучновата. Ни рыба ни мясо. Но когда в семье есть кто-то такой, это хорошо. Только не говори папе, что я это про него говорил. Что? Да, конечно. Тебя и просить не надо. Ты и сам знаешь, кому что говорить, а кому что – нет. Ты уже большой и все понимаешь. Поэтому тебе пора научиться играть в шахматы. Отлично. Теперь я расставляю свои фигуры, а ты начинай расставлять свои...

Завершив урок на курсах начинающего шахматиста, Антон и Даниэль шли посмотреть, как продвигается строительство клуба. Шагали они молча. «После шахмат, – думал Даниэль, – мозги устают, как ноги после бега». Антон вспоминал, что Каспаров – об этом писали в газете – выиграл у компьютера *Deep Blue*, и думал: «Если бы Каспаров проиграл, это было бы ужасно».

Они подошли к котловану. Из него уже торчали железные прутья, а в сторонке ждали своей очереди груды кирпича и кафельной плитки. Там и сям валялись, разинув пасти, пачки сигарет с арабскими надписями.

* * *

В десять утра в квартал въехал военный джип. Антон учуял его первым.

– Это они, – сказал он Кате, резко вскочил из-за стола, скрылся в спальне и заперся на ключ.

– Кто «они»? – через дверь спросила Катя.

– Тише! – сердито прошептал Антон.

– Да что случилось-то? Почему тише?

– Ты что, не чувствуешь, чем пахнет? Это запах армии! Они пришли за мной! Скажи им, что меня нет дома. Нет, скажи, что я умер.

– Какой еще армии? Что ты несешь?

Ей хотелось рассмеяться, но на всякий случай она отодвинула штору на окне, выходящем на улицу.

К ее удивлению, мимо их дома действительно с ревом пронеслась армейская машина.

– Они не к нам, – сказала она запертой двери. – Дальше поехали.

Но Антон отказывался выходить.

В пять минут одиннадцатого джип остановился возле строящейся миквы. Из него выскочили четыре солдата в касках и с автоматами, за ними – мужчина в штатском. Они застучали Наима на месте преступления. В тот момент, когда он – в точном соответствии с донесениями разведки – вел наблюдение за секретной базой.

Они арестовали и его, и рабочих, надели на всех наручники, затолкали в джип и уехали. Все это заняло считанные минуты.

Но еще несколько часов после этого Антон отказывался выходить из своей комнаты.

Он открыл дверь только вечером – быстро взял стакан чая в подстаканнике и тут же ее закрыл.

Катя присела возле запертой двери.

– Может, объяснишь уже, почему ты так боишься солдат? – услышав стук, с каким он поставил на стол пустой стакан, спросила она.

– Нет, не могу.

– Представь себе, что ты в церкви, на исповеди.

– Я не верю в бога и не хожу в церковь. Ты прекрасно это знаешь и нарочно меня злишь.

– Ладно, Антон. Я подожду. Расскажешь, когда захочешь.

– Я не захочу. Ты зря теряешь время.

– Понятно.

Она пошла на кухню и поставила в духовку пирожки с капустой. Может, их аромат проникнет в узкую щель под дверь и выманит Антона наружу?

Напрасная надежда. Катя подошла к книжной полке, взяла «Доктора Живаго», уселась на пол спиной к двери и принялась шуршать страницами. Она все просчитала правильно. Такой джентльмен, как Антон, не допустит, чтобы женщина сидела из-за него на полу.

И правда, вскоре послышался его голос:

– Катя, прошу тебя, встань с пола.

– Встану, если скажешь, почему боишься солдат. – Она с шумом захлопнула книгу.

– Котик, не спрашивай меня про это. Прошу тебя.

– Но...

– Прошу тебя, Катя. Если ты хоть немного меня любишь, не спрашивай.

Голос Антона вдруг сорвался на фальцет. Как у мальчишки в переходном возрасте. Раньше с ним никогда такого не было. Из-за двери Катя слышала, как тяжело он дышит.

– Хорошо, хорошо, – испугалась она. – Расскажешь, когда захочешь. Но хотя бы открой дверь! Я по тебе соскучилась. Солдаты давно ушли, и мороженой картошкой больше не пахнет. Я бы вызвала слесаря, чтобы вскрыл дверь, но не могу. Слесарь у нас в квартале один – ты.

– Скоро, котик. Скоро я к тебе выйду, – ответил он.

Она подождала еще несколько минут, пока не услышала за дверью стук пишущей машинки. Это ее успокоило. Антон печатает, следовательно, он существует.

* * *

Ноам три дня подряд не подходил к телефону, и Бен-Цук начал волноваться. Он отправился на стройку и обнаружил там полный разгром: груды битой плитки, кое-как брошенные инструменты... По всему этому ползали муравьи.

Он испугался. Это совсем не походило на Ноама – вот так исчезать.

На главной улице Сибири не было ни души, если не считать двух старушек, сидевших на автобусной остановке. Он попытался выяснить у них, что случилось, но они только улыбались и отрицательно качали головами. Или утвердительно? Он не понял. Потом они произнесли что-то на своем языке и показали на строительные леса.

– Что? – переспросил он на иврите, а затем на английском.

Но и английский не помог. Черт!

Он поехал к Ноаму домой, в деревню, расположенную у подножия горы, и отец Ноама сообщил ему печальную новость: его сына подозревают в работе на вражескую разведку. Его увезли солдаты с секретной базы, и с тех пор о нем ни слуху ни духу. Тех, кого забрали вместе с ним, вчера освободили, но он до сих пор под арестом.

Тут в разговор вдруг вмешалась мать Ноама, до этого молча сидевшая рядом с мужем:

– Что вы за народ такой? Совесть у вас есть? Мой мальчик – и зовут его Наим, а не Ноам! – птички не обидит! Что вам от него надо? Мало вам нашей земли, вы и детей наших забираете?

– Замолчи, женщина! – шикнул на нее муж скорее умоляюще, чем сердито. – Может, кофе, господин Бен-Цук? Чего-нибудь сладкого?

– Я уверен, что это какая-то ошибка, – глядя в глаза матери Наима, сказал Бен-Цук и добавил: – У меня есть пара знакомых на военной базе. Клянусь вам, я все улажу.

* * *

Лежа под окном в тюремной камере, Ноам мог видеть кусочек неба. Раз в несколько часов по небу пролетала птица, давая ему две-три секунды, не больше, разглядеть себя и соотнести с собственными познаниями в орнитологии.

Но в промежутках он оставался один-одинешенек.

Ему вспомнилась девушка по имени Гили. Боже, как давно он не думал про Гили!

На озере-в-котором-нет-воды она появилась через несколько месяцев после него. Девушка его лет, из приграничного городка. Красивая. Вроде бы самоуверенная, но постоянно требовавшая к себе знаков внимания. Как-то утром – он стоял на крыше женского туалета – она окликнула его:

– Кфир не вышел на работу, а мне нужен помощник. Ты ведь умеешь кольцевать птиц?

– Нет, – признался он.

Он знал, что сотрудники орнитологической станции, расположенной у входа в заповедник, чтобы изучать пути миграции птиц, ловят их, надевают им на лапки колечки с номерами и отпускают. Правда, его никогда не приглашали в этом участвовать.

– Тогда ты будешь их ловить и держать, а окольцовывать буду я, – предложила она.

Он кивнул. Во рту у него так пересохло, что он не мог говорить.

Они довольно долго работали. В полном молчании. Он ловил и держал трепыхавшуюся у него в руках птицу, а она надевала ей кольцо и делала запись в журнале регистрации.

Потом она решила, что с нее достаточно. И с него тоже. Поднялась и приготовила им кофе. Слишком сладкий и слишком жидкий. Наверно, это был самый плохой кофе, каким его когда-либо поили.

– Ты держишь стакан так же, как птиц, – засмеялась она, увидев, как он сжимает стакан в ладонях.

– Что ты имеешь в виду? – обиделся он.

Он обижался тогда на все подряд.

– Не сердись, – снова засмеялась она. – Я в хорошем смысле слова.

– Что значит «в хорошем смысле слова»?

– В том смысле, что у тебя очень красивые руки. Дай-ка их мне сюда.

Он поставил кофе и протянул к ней руки.

– О! Какая странная линия любви! – Гили провела пальцем по его ладони.

– Почему странная? – снова обиделся он.

– Наим! Ну хватит уже! – сказала она и еще несколько раз провела пальцем по его ладони, отчего по спине у него побежали мурашки («Откуда она знает, как меня зовут?» – подумал он). – Я просто... Я хотела сказать, что эта линия у тебя начинается с середины ладони. Это означает, что ты встретишь любовь в довольно зрелом возрасте. Хочешь посмотреть на мои линии?

Она протянула к нему руки и немного наклонилась вперед, так что вырез ее майки оказался у него прямо перед носом.

– Я не... Я не умею читать по руке, – сказал он.

Ну не дурак, а? Впоследствии он не раз вспоминал этот момент и вносил в него поправки: брал Гили за руку, скользил пальцем по ее ладони, поднимался выше, до ее обнаженного плеча, спускался к ключице и ниже, рукой высвобождал из лифчика ее грудь и медленно водил пальцем вокруг розового девичьего соска, пока тот не начинал твердеть...

– Идиот! – Он с силой ударил себя по щеке. Это был удар, достойный опытного следователя. – О чем ты только думаешь?

Скорей бы уж повели на допрос. Лучше уж отвечать на вопросы о том, чего ты не делал, чем тосковать по девушке, которая никогда не будет твоей.

* * *

– Почему твои рабочие зовут тебя не Наимом, а Ноамом?

– Да меня все так зовут. Это имя само ко мне прилипло.

– И тебе это не кажется странным? Что тебя, араба, называют еврейским именем?

– Не знаю... У нас сейчас многие дают детям еврейские имена. Рами, Яара...

– Под дурачка косишь, да?

– Нет. Просто отвечаю на вопрос...

– Еврейское имя помогает тебе получать заказы?

– Наверное.

– Не наверное, а точно помогает. Мы опросили твоих клиентов. Некоторые из них понятия не имеют, что ты араб.

– Вообще-то я этого не скрываю.

– Слушай меня, Наим. Слушай меня внимательно.

Следователь встал, обогнул стол и присел возле Наима на корточки. Очень-очень близко. От него пахло фалафелем. Он положил Наиму руку на плечо, придвинулся к нему и, дыша ему в самое ухо, спокойным и оттого еще более страшным голосом произнес:

– По-моему, ты до сих пор не понял, с кем имеешь дело. Мы знаем, кто твои друзья. Мы знаем, что твой отец ел вчера на ужин. Мы знаем, почему твою мать два месяца назад положили в больницу. Нам известно все, что происходит в твоей деревне, в твоей семье и даже в твоей голове. Когда ты думаешь, что ты один, Наим, ты не один. Мы всегда рядом с тобой. Поэтому для твоей же пользы я предлагаю тебе прекратить валять дурака. Ты меня понимаешь?

– Да. Понимаю.

– Вот и славно. Я рад, что мы понимаем друг друга.

Следователь вернулся на свое место, взял ручку и занес ее над лежащим перед ним листом бумаги.

– А теперь расскажи мне, пожалуйста, на кого ты работаешь. Для кого ты собирал информацию о военной базе?

– Ни для кого. База... Она меня не интересует. Честное слово.

– Тогда что ты там делал с биноклем?

– Смотрел на птиц.

Следователь отложил ручку, откинулся на спинку стула и улыбнулся.

– Пить хочешь, дружочек?

– Хочу.

– Тогда прекрати строить из себя идиота! – Следователь резко придвинулся к Наиму через стол.

Улыбка исчезла с его лица.

– Я не...

– С каких это пор арабы интересуются птицами?

– Я не «арабы». Я – сам по себе.

– О'кей. Тогда объясни мне, пожалуйста, зачем ты смотришь на птиц. В чем твой интерес?

– Не знаю. Это трудно объяснить.

– Придется. Если хочешь отсюда выйти.

– Ну, наверное... Наверное, мне нравится смотреть на птиц... Не ходить же все время, уткнувшись носом в землю... Не думать постоянно только о себе и своей ничтожной жизни. Хоть иногда поднимать голову...

– Отлично. Итак, ты поднял голову, увидел военную базу и... Что ты сделал потом?

* * *

Антон поднял голову от пишущей машинки. Кто-то стучал в дверь его кабинета. Но это не было хорошо ему знакомый осторожный Катин стук.

– Да! – откликнулся он, и не думая открывать.

– Я понимаю, что ты занят, Антон, – раздался умоляющий голос Никиты. – Не хочу тебе мешать, но... Мне нужна твоя помощь. В общем, я не могу попасть домой.

На дверях домов в квартале Источник Гордости не было ручек со стороны улицы, а захлопывались они автоматически. Поэтому тот, кто выходил из дома, по старческой забывчивости не взяв с собой ключ, войти обратно уже не мог. В результате слесаря Антона беспрерывно – двадцать четыре часа в сутки, триста шестьдесят пять дней в году – донимали просьбами совершить чудо из серии «сим-сим, откройся».

По дороге Никита объяснил Антону, что забыл ключ потому, что был слишком поглощен мыслями о двух новых сценариях, которые собирался предложить великому Михалкову. Антон понимающе хмыкнул. Ему доводилось слышать и менее убедительные объяснения. Но когда они подошли к дому Никиты, тот вдруг сел на лежащий у порога мохнатый коврик, прислонился спиной к двери и со вздохом сказал:

– Может, это символично, а?

– Что символично? – сердито переспросил Антон.

– Ну, что двери в этом квартале сами захлопываются. Может, они намекают, что нам здесь не место?

– Поверь мне, – сказал Антон, наклоняясь, чтобы сунуть в замок кусок проволоки, – я имею дело с дверями уже сорок лет, но никогда не видел, чтобы они на что-то намекали...

– Постой, – перебил его Никита. – Послушай, что я тебе скажу.

– Ну давай, – вздохнул Антон и сел рядом с Никитой. – Я тебя слушаю.

– Мы уже здесь два года, так? Но никто нами совершенно не интересуется. Даже скамеек и тех муниципалитет не поставил. Я уже не говорю о том, что мы полностью отрезаны от культурной жизни. Мои знания никому здесь не нужны. Я написал во все киношколы. Одна находится в долине, одна – на горе, а одна – возле озера. Приложил к письму резюме. Сколько людей в этой стране могут похвастаться тем, что лично работали с великим Михалковым? Но я ни от кого не получил ответа, Антон, ни от кого! Хуже всего с женщинами. Я думал: приеду сюда и найду себе родственную душу. И вот я отправляюсь в город на поиски, и что я вижу? Все женщины одеты, как монашки, а стоит мне заговорить хоть с одной, она тут же переходит на другую сторону улицы. Как будто боится подхватить от меня скарлатину. Знаешь, у них там есть квартал, называется Квартал художников. Туда я тоже ходил. Надеялся познакомиться с какой-нибудь художницей. С такой женщиной, которая хочет брать от жизни все и ничему не придает особого значения. Но что я там обнаружил? Все галереи на замке, а в домах живут кошки. Это не Квартал художников, а Кошачий квартал. Понимаешь, Антон? Я надеялся оставить свое одиночество в России, а оно, не спросясь, село вместе со мной в самолет. Но самое ужасное...

– Ты же говорил, что самое ужасное – это женщины, – перебил его Антон. – Не может быть двух «самых».

– Ладно, – согласился Никита, – не самое. Пусть еще одно ужасное. Так вот, за два года здесь никто не умер. Смерть – это хоть какая-то перемена. Смерть – это похороны, волнения, нахлынувшие воспоминания. Смерть – это источник вдохновения...

– Если, конечно, умираешь не ты, – усмехнулся Антон.

– И то верно, – неуверенно кивнул Никита.

Антон воспользовался этим, чтобы крепко схватить его за плечи и встряхнуть:

– Никита, у тебя есть миссия. Ты приехал сюда не просто так. Ты должен дать здешним людям то, чего им не хватает. Нечто такое, что можешь дать им только ты, человек, работавший плечом к плечу с выдающимся кинорежиссером. Да, на это требуется время. Ну и что? Настоящие художники не пасуют перед трудностями! Так?

– Несомненно.

– А ты ведь настоящий художник?

– Да... Конечно, – подтвердил Никита с порозовевшими от удовольствия щеками.

– Тогда давай я вскрою твою дверь, и ты пойдешь работать. Лады?

– Лады.

Никита встал, дождался, пока Антон откроет дверь, и крепко обнял его, прижав к груди:

– Спасибо тебе, Антон! Спасибо! Ты очень мне помог!

– Всегда к твоим услугам, – пробормотал Антон, не спеша в свою очередь обнять Никиту.

На обратном пути он почувствовал, что Никита все-таки заразил его своим отчаянием. На пороге дома он постарался тщательно стряхнуть его с одежды, но пара крошек к ней прилипли.

Катя не стала его дожидаться и легла спать. «Это твой единственный женский недостаток, – часто повторял он ей с улыбкой. – Ложишься слишком рано, а встаешь слишком поздно». Но сейчас ему было не до смеха. Наоборот. В нем с каждой минутой крепло ощущение, что он словно каменеет изнутри. Как будто идет по тонкому льду, и тот трещит у него

под ногами. Строительство клуба в последние несколько дней остановилось. Брошенные как попало инструменты валялись на земле. Он боялся, что солдаты, приезжавшие сюда недавно, могут вернуться, на сей раз – за ним. Лекарства от импотенции, которые он принимал, не помогали. Не помогали, хоть плачь. Когда они с Катей выходили на вечернюю прогулку, он смотрел на других мужчин и думал: «Они этим занимаются, а я нет. И Шпильман этим занимается. И Грушков этим занимается. И Школьник этим занимается. Это видно по их походке и по тому, как они расставляют ноги, когда останавливаются поговорить друг с другом. Видно, что они занимались этим со своими женами буквально перед тем, как вышли из дому. В этом нет ни малейших сомнений».

Предательство собственного тела страшней, чем измена женщины. С этой мыслью он набрал номер своего единственного сына. Звонить в Новосибирск было безумно дорого, и они не могли позволить себе такую роскошь, но он чувствовал острую потребность прямо сейчас услышать голос сына.

Его единственный сын был священником, настоятелем самой большой в Новосибирске церкви. Раньше отец Николай служил в маленькой скромной церкви, но после того как коммунизм приказал долго жить, многие «сироты» заново открыли для себя Иисуса, и Николаю – чтобы удовлетворить спрос – пришлось перебраться в новое здание. «Это невероятно, папа, – писал он Антону. – Такого расцвета христианской веры не бывало со времен Римской империи. Церкви, превращенные в офицерские клубы, снова становятся церквями; зайди в любой дом – у всех иконы Спасителя и Богородицы. Люди наконец-то вслух признались, что нуждаются в духовном пастыре, в обретении смысла жизни, а не только в дисциплине, что они одиноки перед Создателем и ищут утешения в Церкви».

Письма сына походили на проповеди, что сердило Антона. «Не понимаю, как у меня вырос такой сын, – жаловался он Кате, дочитывая очередное из них. – У него напрочь отсутствует чувство юмора». И перечитывал письмо еще раз в надежде обнаружить хоть какие-то признаки сыновней любви.

Раздались гудки, и в доме сына включился автоответчик. «С тех пор как он стал знаменитым, – подумал Антон, – до него не дозвонишься. Он заботится об униженных и оскорбленных, а к родным потерял всякий интерес. Впрочем, может, это и к лучшему, что его нет дома. Не то опять начал бы читать мне мораль. Обвинил бы в семи смертных грехах и добавил к ним еще парочку от себя лично. Например, осудил бы меня за то, что я бросил родину и живу с женщиной, не связав себя с ней узами брака. Что я всегда поддавался женщинам, которые сбивали меня с истинного пути. Только о моем настоящем грехе он промолчал бы – о том, что я ушел из семьи, когда он был подростком. Про это он никогда не говорит».

Антон выгащил из пишущей машинки адресованную самому себе надгробную речь, отложил в сторону и принялся за новую. Не такую мрачную. Посвященную Никите. Дописав, он какое-то время мерил ногами комнату, расхаживая из угла в угол. Затем подошел к телефону и еще раз попытался дозвониться до Новосибирска.

* * *

Бен-Цук набрал известный ему одному номер. Трубку сняла секретарша начальника военной базы.

– Мирит?

– Меня зовут не Мирит.

– Могу я поговорить с начальником базы, с Шушу?

– С полковником Хамиэлем? – удивилась секретарша. – Он уже год как перевелся в штаб.

– А с Чомпи, начальником разведотдела?

– Он давно демобилизовался.

– Тогда с Кифи. Или... с Хушхашем.

– Не знаю таких. А вы, простите, кто?

– Майор запаса Моше Бен-Цук, – стараясь придать голосу твердости, представился он. – Не так давно служил на вашей базе старшим офицером. Сейчас мне срочно надо кое-что выяснить.

– Объясните, какой у вас вопрос, – чуть нетерпеливо предложила она, – чтобы я знала, с кем вас соединить.

Он изложил ей суть дела, и она переключила звонок на кабинет начальника особого отдела.

В трубке зазвучала знакомая бодро-механическая мелодия ожидания ответа – хоть ее не поменяли. Бен-Цук представил, как сигнал спускается по этажам и шахтам, скользит по коридорам, проникает сквозь двери с кодовыми замками, пока не доберется до самого низа, до кабинета начальника особого отдела. На этой базе чем выше твоя должность, тем глубже под землей ты сидишь.

– Добрый день.

«Сколько спеси в голосе, – подумал Бен-Цук. – Неужели я раньше тоже таким был?»

– Здравствуйте, – сказал он. – Я майор запаса Моше Бен-Цук.

В трубке воцарилось долгое молчание. Видимо, особист рылся в памяти, пытаясь вспомнить, кто это.

– Кто-кто? – наконец переспросил он, и Бен-Цук услышал щелчок компьютерной мышки.

– Майор Моше Бен-Цук, – повторил он и, не дождавшись ответа, завел сбивчивый рассказ о Наиме.

– Достаточно, – перебил его особист. – Я в курсе этого дела. Но при всем уважении обсуждать с вами подобные вещи по телефону не могу. Скажу одно: у нас крайне серьезные подозрения. Речь идет о шпионаже и угрозе государственной безопасности.

– Но он всего лишь...

– Кроме того, – снова перебил его особист, – какой болван догадался строить микву именно на том месте? Это угрожает безопасности страны!

– Мэр города, господин Авраам Данино, приказал мне...

– Передайте Данино, чтобы передвинул эту чертову микву на пятьдесят метров влево.

– Передвинул? – ужаснулся Бен-Цук. – На данном этапе? Вы хоть представляете себе, сколько денег мы уже вбухали в стройку? Заложили фундамент. Возвели строительные леса. Вы представляете, во что нам обойдется ее передвигать? И сколько времени это займет?

– А вы знаете, сколько потратили на разработку истребителя «Лави», а потом проект свернули? Ничего не поделаешь, Бен-Цук. За ошибки надо платить.

– Вы не понимаете, – взмолился Бен-Цук. – От этой миквы очень многое зависит. Прошу вас, давайте поищем другое решение.

– Мне надо подумать, – сказал особист и снова кликнул мышкой. – Я вам перезвоню.

– Когда?

– Завтра. Максимум послезавтра.

Но позвонил он только через две недели и даже не извинился. Наоборот. Недовольно пробурчал, что у него полно дел, а он вынужден тратить время на «эту вашу микву».

– Короче, – заявил он. – Если вы настаиваете, что миква должна стоять именно на том месте, найдите надежных с точки зрения государственной безопасности рабочих, и я их проверю. Если не обнаружится ничего подозрительного, вы сможете продолжить строительство. Только пообещайте, что внесете в смету СПН.

– Что такое «СПН»?

– Стена, препятствующая наблюдению.

– Но...

– Бен-Цук, я пытаюсь вам помочь, а вы со мной препираетесь.

* * *

Никита не умер. Несмотря на прекрасную надгробную речь, написанную для него Антоном, он все еще был жив. Поэтому они пожелали ему доброго здоровья и ускорили шаг. Ни один из них не рвался провести весь вечер в его обществе. Но Никита тоже ускорил шаг, обогнал Шпильмана с его радиоприемником, по которому шла трансляция матча российской футбольной лиги, пристроился к Кате с Антоном и, пыхтя от нетерпения, стал поджидать момента, когда удастся вернуть: «Кстати! Это напомнило мне один эпизод на съемочной площадке...» Однако Катя и Антон молчали, чтобы не давать ему повода разразиться еще одной историей с участием Михалкова. Но вот они поравнялись с недостроенным клубом, и Никита не выдержал:

– Кстати, о незавершенных проектах. Знаете, сколько раз Михалков начинал работать над фильмом «Очи черные»? Сперва у него был сценарий, но не было денег. Потом деньги появились, но он никак не мог найти в Италии подходящего места для съемок. Потом место нашлось, но оказалось, что денег не хватит. Вот так-то, друзья. Снять фильм – это вам не по Красной площади прокатиться. Но Михалков – уникал, друзья мои, он никогда не опускает руки. Он не просто доснял фильм, он еще и получил за него приз на Каннском фестивале. А французы кое-что понимают в кино, вы уж мне поверьте!

Катя прижалась к Антону, и он понял почему. Ведь с фильма «Очи черные» между ними все и началось. В клубе дома престарелых фильм показывали на белой простыне, надорванной в левом верхнем углу – так евреи согласно траурному обряду надрывают край рубашки. Катя ходила на все фильмы без исключения. Кино было единственной, если не считать глинтвейн со шепоткой корицы, вещью, которая помогала ей хотя бы на два часа забыть, как далеко от нее те, кого она любила, и какое на самом деле печальное место этот приют для осиротевших стариков, несмотря на все их старания прикидываться веселыми.

Антон пришел с опозданием и сел рядом с ней. Свободных стульев в зале было много, но он сел рядом с ней, и это показалось ей невежливым. Она вообще находила Антона человеком неприятным. По ее мнению, он не умел есть, носил уродливые белые мокасины и флиртовал с молодыми нянечками. Как будто не понимал, что он старый хрыч и выглядит просто смешно. Тем не менее, когда он сел рядом, по ее телу прокатилась легкая дрожь. И такая же, только более сильная, когда он коснулся коленом ее ноги. Она решила, что это остаточные проявления гриппа, которым она болела на прошлой неделе, отодвинула свой стул и сосредоточилась на фильме. Ближе к концу картины она не удержалась и скосила на Антона глаза. Он плакал! Слезы абсолютно не вязались с ее представлением об этом человеке, и Катя списала их на его проблемы со здоровьем. Наверное, у него конъюнктивит. Или воспаление слезных каналов.

Фильм кончился. Немногочисленные зрители встали с мест и разошлись по своим комнатам. Только они с Антоном продолжали сидеть и смотреть на бежавшие по экрану титры.

– На самом деле, – сказал он вдруг, не глядя на нее, – все фильмы Михалкова про одно и то же.

– Про что же, интересно? – спросила она саркастически, не поворачивая головы.

– Про трагическую и прекрасную силу любви, – ответил Антон. – Про то, что она способна двигать горы и рушить мосты. Про то, что она одновременно и ослепляет людей, и раскрывает им глаза. Он говорит об этом и в «Урге», и в «Утомленных солнцем», и здесь тоже. Его героев лихорадит от любви. И мужчин, и женщин. Любовь у него – это хроническая болезнь. Но она же и лекарство.

– Как красиво вы это сказали...

Тогда она впервые удивилась тому, что будет много раз поражать ее впоследствии: его способности говорить как по писаному, словно, прежде чем произнести фразу, он выстраивает ее в уме в строго продуманном порядке.

По экрану проплыл последний титр с именем режиссера. Повода продолжать сидеть в зале больше не оставалось.

– Я видела, как вы плакали, – сказала Катя, по-прежнему не глядя на него.

Она боялась, что, если их глаза встретятся, это все испортит.

– А-а, это, – пренебрежительно махнул он рукой. – Конъюнктивит.

– Я так и подумала.

Запахло стиркой, резко и неприятно. В строящемся новом крыле здания что-то сверлили, и до них доносилось глухое жужжание дрели. Раздался щелчок – кассета в видеоманитофоне докрутилась до конца, и пленка стала отматываться назад. Катя сидела не двигаясь. Антон тоже. Протянувшаяся между ними ниточка была очень тонкой, и любой неосторожный жест...

– А зачем я, собственно говоря, вру? – неожиданно повернулся он к ней. – В нашем возрасте уже можно позволить себе правду. Верно?

– Можно, но не всегда нужно, – ответила она, тут же проникаясь ненавистью к той женщине, что сидела внутри нее и иногда говорила ее голосом.

– Нет у меня никакого конъюнктивита, – сказал он. – Я плакал, потому что подумал... Прежде чем я доберусь до конечной остановки, мне хотелось бы еще хотя бы раз пережить ощущение этой бури. Но я не уверен, что это возможно.

– И вы еще жалуетесь? Вы все-таки это испытали, пусть всего раз в жизни. Многим и этого не дано. Многие думают, что такое бывает только в кино.

– Катя, так мы все – кинозвезды, – сказал он и посмотрел ей в глаза серьезно и сосредоточенно, как будто в данный момент они занимались любовью и он был в ней. – Мы все – кинозвезды, и мы играем в фильме, который снимают про нашу жизнь.

Она рассмеялась. И тут же извинилась, чтобы он не подумал, что она смеется над ним. Просто у него было такое лицо... Она снова засмеялась, и он, нисколько не обидевшись, засмеялся вместе с ней.

– Это все фильм виноват, – он показал рукой на экран. – Слишком на меня подействовал. Надо ограничить его аудиторию публикой до шестидесяти. Пусть его смотрят те, кто еще способен контролировать свои эмоции. Почему некоторые фильмы запрещают смотреть детям и подросткам «до»? Должно быть наоборот!

В тот же вечер она пригласила его к себе. Он ласкал ее, целовал и обнимал, но заниматься с ней сексом не захотел. Сказал: «Еще рано». А она подумала (и впоследствии думала так же много раз): «Это человек-сюрприз, как шкатулка с двойным дном» – и влюбилась в него окончательно. Она не разлюбила его, даже когда узнала, что он не еврей, и убедилась, что, несмотря на умение раскатисто смеяться, иногда совершенно неожиданно, – он погружается в черную меланхолию, которая может длиться несколько недель. Она не разлюбила его, когда выяснилось, что, обладая несомненно высоким интеллектом и постоянно стуча на пишущей машинке, он всю жизнь проработал обыкновенным слесарем. Что к любому блюду он добавляет рубленый чеснок. Что в ту самую первую их ночь он не переспал с ней по вполне определенной причине.

По дороге домой они прошли мимо красивого коня шоколадной масти. Никита успел подыскать себе других слушателей, чтобы мучить их рассказами о Михалкове, и Катя с Антоном шагали вдвоем. Молча. Она – во власти воспоминаний, а он... Поди догадайся. Она уже достаточно ему доверяла, чтобы не лезть без нужды в его мысли. Вдруг он оторвался от нее и приблизился к забору.

– Иди сюда, коняшка! – позвал он, и конь, гордый своей красотой, подбежал к нему.

Антон сунул руку в щель в заборе, потрепал коня по морде и что-то ему прошептал.

Вчера ночью, после очередной неудачной попытки, Антон скатился с Кати, лег рядом с ней на спину и сказал:

– Хватит. Все равно ничего не выходит. Таблетки не помогают.

– Ничего страшного. Это не имеет значения, – сказала она, а про себя подумала: «Жалко, что в постели у него пропадает чувство юмора. На самом деле все это смешно».

– А мне страшно, – сказал он. – Я больше так не могу. Я не могу смотреть, что с тобой творится.

– Со мной? – удивилась она.

– С тобой. Чтобы такая женщина, как ты... в расцвете лет... тратила время на меня... Я хочу, чтобы ты знала: я не против того, чтобы ты... ну, встречалась с другими. Я совершенно не против. Я не хочу, чтоб ты лишала себя удовольствия. Для этого нет никаких причин. Я думал, что здесь, в Израиле... Новая жизнь и вообще... Но если я не могу... Тогда пусть кто-нибудь другой...

– Какой еще «другой»? Ты что?

– Есть много таких, кто...

– Кто, например? – перебила она его. – Антон, это очень мило, что ты так думаешь. Мне это льстит. Но я уже старая.

– Я уверен, что Никита...

– Антон, ты меня поражаешь. Ты думаешь, я готова броситься на шею каждому болтуну? Может, он того и хочет, но... Этого мало. Я тоже должна захотеть. А я не хочу никого, кроме тебя.

– Я тебе не верю. Ты хочешь сказать, что в нашем квартале тебе ни разу никто не приглянулся? Этого не может быть.

– Ты прав, – сказала Катя, стыдливо потупившись.

Настало молчание. Катя не торопилась его прервать, словно собиралась с духом перед исповедью. Она чувствовала страх Антона, который весь сжался, но продолжала молчать. Это доставляло ей наслаждение.

– Конь, – наконец сказала она.

– Что «конь»?

– Ну понимаешь, время от времени меня преследуют мысли о коне.

– О каком еще коне?

– Об арабском скакуне. Ну том, на аллее. У него красивый зад. А ты знаешь, как мне нравятся мужские задницы.

Антон сел в кровати, взглянул в ее смеющиеся глаза и захохотал.

Отсмеявшись («Антон вернулся!» – подумала она), он сказал:

– Можно с ним завтра поговорить. Ну с твоим конем. Спросим, согласен ли он.

– Ну? Что ты ему сказал? – спросила Катя, когда Антон отошел от ограды вольера и взял ее под руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.